

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

**Х ВСЕРОССИЙСКОЕ
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ
«ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ
НАРОДНЫХ ГОВОРОВ — 94»**

(Санкт-Петербург, 1—2 февраля 1994г.)

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Санкт-Петербург
1994

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

**Х ВСЕРОССИЙСКОЕ
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ
«ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ
НАРОДНЫХ ГОВОРОВ — 94»**

(Санкт-Петербург, 1—2 февраля 1994г.)

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Санкт-Петербург
1994

УДК 910.1:800.87-00

Х Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров — 94». Тезисы докладов. СПб., изд. ИЛИ РАН, 1994. — 96 с.

Тезисы докладов содержат исследования, связанные с работой над Лексическим атласом русских народных говоров. Их авторы — в основном активные участники создания атласа.

Тезисы представляют интерес для участников работы над атласом, для преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

Работа публикуется при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (Код проекта — 93—06—11024)

Редактор доктор филологических наук И.А.Попов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Попов И.А. Лексический атлас русских народных говоров — 93: итоги и перспективы	7
Попов И.А., Азарх Ю.С., Вендина Т.И., Герд А.С., Мораховская О.Н., Петрова З.М. Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атла- сов	9
Вендина Т.И. XI Международный съезд славистов: вопросы диалектологии и лингвогеографии	10
Нефедова Е.А. Ареальная характеристика семантиче- ских отношений в лексико-семантической группе	14
Мокиенко В.М. Лексические и фразеологические изо- гlossы (общие и специфические характеристики)	15
Климкова Л.А. К проблеме специфического в диа- лектной лексике	16
Демидова К.И. Социолингвистический аспект изуче- ния лексико-семантической системы диалекта и необ- ходимость ее отражения в Лексическом атласе рус- ских народных говоров	18
Дьякова В.И., Авдеева М.Т. Особенности обследова- ния территории русско-украинского пограничья	20
Попов И.А. Динамика диалектной лексики и пробле- мы ее картографирования	21
Жуковская З.В. Трудности при подготовке материа- лов для картографирования	24
Мельникова Е.Г. О картографировании метеорологи- ческой лексики псковских говоров	25

Петрова З.М. Карта лексико-семантической группы "сугроб" (по материалам картотеки ЛАРНГ)	26
Войтенко А.В. Об этимологическом гнезде "журавль" в русских народных говорах	28
Войтенко А.Ф. О некоторых вопросах картографирования наименований, связанных с духовной стороной жизни общества	29
Герд А.С. Региональный этимологический словарь (объект, цели, задачи)	31
Костючук Л.Я. Когда каждый ответ на вопрос анкеты значим... (к сбору материалов для ЛАРНГ)	32
Андреев В.К. Картотеки областных словарей как база для прогнозирования возможных результатов словарных экспедиций	35
Андреева-Васина Н.И. Приставочная глагольная лексика в Словаре русских народных говоров и ее использование в Лексическом атласе	37
Борисова С.А. О работе пермских диалектологов по программе собирания сведений для ЛАРНГ	38
Кононенко Л.А., Осипова Е.П. Из опыта собирания материалов для ЛАРНГ	39
Бахвалова Т.В. Оценка внешнего облика человека в литературном языке и в говорах	40
Гришанова В.Н. Названия домового в одном из орловских говоров	42
Меркулова Л.И. Наименования духа, обитающего в доме, во дворе и надворных постройках, в говорах Покровского и Ливенского районов Орловской области	44
Меркулова В.И. Названия мифологических персонажей, обитающих на болоте (на материале говора д. Покровка Ливенского района Орловской области)	46
Костромичева М.В. Наименование этапов свадебного обряда в Орловской области	48
Ларина Л.И. Лексика материальных компонентов свадебного обряда курского региона	50
Филатова В.Ф. О соотношении вербального обрядового знака в речевой ситуации	52

Евдокимова Т.В., Евтихиева Л.Ю. Терминология обрядовой одежды в этнолингвистическом контексте . . .	54
Петрова З.А. Народная одежда в Тверском крае. Этнолингвистическое описание	58
Долгушев В.Г. Многообразие лексических и словообразовательных способов выражения понятий “одежда”, “наряжаться”, “валяные сапоги” в вятских говорах	60
Занозина Л.О. Наименование святочно-новогодних обрядовых яств (на курском материале)	61
Мартьянова В.Н. О названиях животных в русских говорах Удмуртии	63
Пецкая Т.А. Обозначение незрелых существ в псковских говорах	65
Батырева Л.П. Синонимия названий рыб в говорах Ивановской области	66
Карамышева Л.М. Названия берестяных поплавок . . .	67
Сергиева Н.С., Величко Н.В. Лексика ландшафта в русских говорах республики Коми	69
Ганцовская Н.С., Никулина Т.Е. Названия болезней и средств их лечения	71
Мызников С.А. Заимствованная лексика и словообразовательные инварианты в Обонежье	74
Королева И.А. Антропонимы и их апеллятивы в говорах смоленщины	76
Варина С.Н. Микропонимика деревни Малая Переволока Пеновского района Тверской области	77
Васильев В.Л. Микропоним и географический термин в границах отдельного говора	80
Тихомирова Н.П. Топонимические данные и Лексический атлас русских народных говоров	82
Кондратенко М.М. Периферийные способы номинации в диалектной лексике	83
Кириллова Т.В. Субстантивы на -уха в тверских говорах	84
Кошарная С.А. О фонетических особенностях говора села Тюрино Шебекинского района Белгородской области	86

Возисова Л.В., Ганеева И.В. Территориальное распространение диалектной лексики, связанной с терминами родства88
Чумакова Ю.П. Региональный географический термин “чечора”89
Евтихиева Л.Ю., Пискунова С.В., Евдокимова Т.В. Этнографическая терминология в тамбовских говорах90
Лебедева Е.С. Терминологическая группа “пища, ее приготовление” в тамбовских говорах93
Каде Т.Х., Факторович А.Л. Производность — мотивированность — лексическая системность: виды соотношений (на материале русских говоров Кубани)94

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проведение регулярных диалектологических совещаний является одним из важных условий координации работы над Лексическим атласом русских народных говоров, так как создающий его коллектив диалектологов рассеян по многим городам, вузам России. Этой цели служит и данное совещание.

В тезисах докладов рассматриваются следующие вопросы: о работе над ЛАРНГ, общие вопросы лингвогеографического изучения лексики, картографирования лексики, опыт собирания материалов для Атласа, исследование отдельных групп лексики в связи с работой над Атласом и некоторые другие.

И.А.Попов
Санкт-Петербург

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ-93: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В истекшем 1993 году работа над ЛАРНГ продолжалась в нескольких направлениях.

1. Продолжалось создание базы Атласа — собирание материалов экспедициями, по региональным картотекам по трем темам: «Лексика природы», «Лексика традиционной духовной культуры», «Названия одежды, обуви, украшений». Главной оставалась тема «Лексика природы», что обусловлено необходимостью составления карт Атласа по этому разделу уже в ближайшее время. В настоящее время это самая трудная часть работы над Атласом, однако без ее завершения невозможно начать планомерное составление карт. По-прежнему вызывают беспокойство юго-восточный и восточный регионы.

2. На основе поступивших материалов продолжалось формирование картотеки Атласа. Оно состояло, в основном, в том, что один из экземпляров материалов разрезался на карточки,

эти карточки и поступившие на карточках материалы вливались в картотеку. Однако процесс формирования картотеки идет медленнее, чем мог бы, если бы штат Атласа был полностью укомплектован. Большую помощь в работе над картотекой оказали студенты Санкт-Петербургского университета, Псковского и Воронежского педагогических институтов. Опыт показал, что работа над картотекой идет быстрее, если один экземпляр материалов присылается в разрезанном на карточки виде.

3. Большое внимание уделялось изданию подготовленных ранее работ по Атласу: шел издательский цикл в работе над «Программой собирания сведений для ЛАРНГ», «Проектом ЛАРНГ», сборниками «ЛАРНГ (материалы и исследования)», 1992 и 1993. Необходимо отметить, что издание этих работ стало возможно благодаря финансовой помощи Российского фонда фундаментальных исследований, участием авторов в частичной оплате их статей.

4. Как предусматривалось решением IX Координационного диалектологического совещания ЛАРНГ—93, была проведена подготовка данного диалектологического совещания: приглашены участники совещания, собраны, отредактированы, подготовлены к печати тезисы докладов.

5. Работа над ЛАРНГ развертывалась бы значительно хуже, если бы не финансовая помощь Российского фонда фундаментальных исследований, которая позволила осуществить публикацию названных работ, укрепить материально-техническую базу Атласа (картотечные шкафы, компьютер).

6. Велась подготовка к проведению пробного картографирования, отбирались материалы, разрабатывалась инструкция. Составление пробных карт необходимо для отработки принципов картографирования, разработки легенд, комментариев. Переход к фронтальному картографированию лексики природы сдерживают пробелы в материалах, в основном, по юго-восточному и восточному регионам.

7. Наши дальнейшие перспективы:

а) сохранить в трудных условиях интенсивность собирания материалов в полевых условиях разными методами — экспедициями, силами специально подготовленных студентов родом из сельской местности, краеведов. Необходимо сохранить в вузах диалектологическую педагогическую практику как важный элемент научной работы и воспитания учителя-словесника;

б) продолжить, где она еще не закончена или, не откладывая, начать выборку материалов из региональных картотек, важнейшего источника материалов для ЛАРНГ;

в) очень важно повышать научный уровень работы над Атласом, в том числе и на этапе собирания материалов. Этому

может способствовать хорошее знание Программы, Проекта Атласа, убедительность и объективность собранных материалов, проведение теоретического исследования лексики в связи с работой над Атласом;

г) учитывая продолжительность работы над Атласом, нужно укреплять коллективы диалектологов на кафедрах русского языка, которые взяли на себя нелегкий труд по созданию Атласа. Этому может также способствовать расширение проблематики изучения народного языка в курсовых и дипломных работах, в диссертационных исследованиях в связи с работой над Атласом.

И.А.Попов, Ю.С.Азарх, Т.И.Вендина,
А.С.Герд, О.Н.Мораховская, З.М.Петрова
(Москва, С.-Петербург)

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ В КРУГУ СЛАВЯНСКИХ АТЛАСОВ

1. Исследование ареалов диалектных слов, их семантики, диалектного словообразования с давних пор является одной из актуальных задач русской диалектологии и лингвистической географии. На это было направлено внимание составителей первых русских атласов — Лингвистического атласа района озера Селигер и Диалектологического атласа русского языка. Сейчас она осуществляется в более широком объеме в Лексическом атласе русских народных говоров, в котором в основу разработки Программы положена широкая сеть областных словарей русского языка последних десятилетий, многочисленные лексикологические, диссертационные исследования, учитывается теоретический и практический опыт славянской лингвистической географии.

2. ЛАРНГ создается в тесном взаимодействии с другими атласами восточнославянского региона — белорусскими и украинскими. При разработке Программы собирания сведений для ЛАРНГ учитывались программы белорусского и украинского лексических атласов с целью выявления общих лексических ареалов. Вместе с тем Программа ЛАРНГ — самая обширная из лексических программ славянских атласов как по количеству и объему тематических и лексико-семантических групп, так и по детальности разработки их на основе системного метода.

3. ЛАРНГ будет отличаться от ДАРЯ полнотой и детальностью разработки лексики, широтой охвата территории (вся

Европейская Россия до Урала, разнообразием типов карт. От ОЛА он будет отличаться большей полнотой показа своеобразия русской лексики, шириной картографируемого пространства в пределах России.

4. Принятое построение Программы собирания сведений для ЛАРНГ с учетом сравнительного изучения лексики славянских языков будет способствовать выявлению восточнославянских (или славянских) изоглосс на окраине славянского континента.

5. В настоящее время работу над Лексическим атласом осуществляют 3 академических института (Институт лингвистических исследований, Институт русского языка, Институт славяноведения и балканистики Российской академии наук) и 54 вуза России.

Атлас поднял на новую ступень изучение народной речи, объединил общей идеей существующие коллективы диалектологов и способствует созданию новых.

ЛАРНГ (да и сама работа над ним, собранные для него материалы) будет иметь важное научное и культурно-историческое значение.

Т.И.Вендина
(Москва)

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ: ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ЛИНГВОГЕОГРАФИИ

Прошедший в Братиславе XI Международный съезд славистов высветил круг проблем, которые, как представляется, должны стать объектом внимания русских диалектологов. Если попытаться обобщить тематику прозвучавших на съезде докладов, посвященных диалектологии и лингвогеографии, то можно выделить следующий круг вопросов, привлечших внимание ученых:

1. Диалектология как научная дисциплина: ее место и роль среди университетских и славистических дисциплин, перспективы и направления ее развития (превращение из "детской филологии" в курс университетских дисциплин, ориентированной на интерпретации записанных текстов и упражнения по ним, в дисциплину, представляющую область собственно научных разысканий) — З.Тополинська (Плс.) «Место диалектологии среди других славистических дисциплин».

II. Общие вопросы теории диалектологии и лингвистической географии:

II.1. Атласирование: цели, задачи, концепции национальных и наднациональных атласов, предварительные результаты их исследований (И.А.Попов, Ю.С.Азарх, Т.И.Вендина, А.С.Герд, О.Н.Мораховская, З.М.Петрова «Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов»; И.Рипка (Слц.) «Концепция и реализация Общекарпатского диалектологического атласа с точки зрения славянской диалектологии»; П.Кирали (Венгр.) «Атлас словацких говоров в Венгрии»; В.В.Иванов (Рус.) «История и современное состояние диалектов славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа»; С.Ковачевичева (Слц.) «Вклад словацкого этнографического атласа в развитие этнографических европейских исследований»), перспективы создания новых атласов (М.Бенжа (Слц.) «Славянский этнолингвистический атлас»).

II.2. Проблемы дифференциации славянского диалектного ландшафта по данным материалов различных атласов (Б.Видоески, С.Бернштейн, Г.Клепикова, П.Лизанец, И.Рипка, Я.Сятковский «Проблемы дифференциации славянского диалектного ландшафта» по материалам Общекарпатского диалектологического атласа: основанием для выделения диалектных зон различной протяженности и конфигурации служили мотивационные, семантические и лексико-словообразовательные признаки; Н.Н.Пшеничнова (Рус.) «Тип диалекта. Славянский диалектный континуум» по материалам ДАРЯ: используя фонетические, морфологические и лексико-словообразовательные признаки, оценивая их с точки зрения классификационного веса, автор выделяет различные типы диалектов; З.Гануделова (Слц.) «Особенности фонетической, морфологической и семантической систем украинских говоров в лингвистическом атласе в их отношении к литературному языку»).

II.3. Происхождение и характер тех или иных говоров, их история и современное состояние (Д.Дудок (Югосл.) «Происхождение и характер словацких говоров в Воеводине»; Ю.Дудашева-Кришаква (Слц.) «Горальские говоры, их история и современное состояние»).

II.4. Процессы, происходящие в говорах:

II.4.1. Процессы интерференции: общетеоретические и практические вопросы, связанные с исследованием характера влияний на различных уровнях (В.Шелару (Рум.) «Славяно-румынские лингвистические контакты (основные проблемы)»; Е.Скарлати (Рум.) «О славянских влияниях в морфологии румынских диалектов»; Я.Сятковский «Славянские словообразовательные влияния в немецком языке и его диалектах»; Л.Бартко

(Слц.) «Взаимная интерференция восточнословацких и русинских говоров»; Б.Видоески (Макед.) «Межъязыковые контакты как фактор диалектной дифференциации македонского языка»; В.Станишич (Югосл.) «Свое и заимствованное в пограничных говорах сербского и албанского языков»).

II.4.2. Инновационные процессы в диалектах (в основном на лексическом уровне): Г.Таборска (Плс.) «Об инновационных процессах в кашубской лексике»; И.А.Стоянов (Укр.): «Инновационные процессы в лексике болгарских говоров юга Украины и Молдавии».

II.4.3. Поиски междиалектных параллелей и определение их характера (фонетический, лексический, морфологический уровни): С.Брезинский (Болг.) «Словацко-болгарские лексические параллели»; М.Попович (Хорват.) «Хорватско-украинско-русские параллели»; М.Лончарич (Хорват.) «Среднесловацкие и кайкавские говоры в их отношении к южно- и западнославянским языкам»; М.Антропов (Блр.) «Белорусско-словацкие этнолингвистические мифологические параллели».

II.5. Проблемы ареальной лингвистики и вопросы формирования литературных языков (территориально-языковая база литературного языка, как и каким образом она формируется): Г.А.Цыхун (Блр.) «Ареальные аспекты формирования славянских литературных языков». В докладе рассматриваются вопросы формирования блр., слц., мак., блг., языков: их ареальная основа, сформировавшаяся в результате наложения зон инновации друг на друга.

III. Вопросы, связанные с изучением отдельных диалектов на различных уровнях:

III.1. Фонетика:

III.1.1. Историческая фонетика: все три доклада, представленные на съезде, были посвящены второй палатализации как в общетеоретическом плане (доклады М.Энриетти (Итал.), Г.Шустера-Шевца (Герм.), так и применительно к конкретной группе говоров (Я.Бьернфлатен (Швец.) «Диалекты псковской области в общеславянском контексте»: используя ареальный метод исследования, автор доказывает, что случаи непоследовательности второй палатализации в псковских говорах — явление вторичное, связанное с фонетическим процессом перехода (ц) → (т') → (к), примеры типа *кеп*, *кедить* и др.); коллективный доклад В.А.Дыбо, Р.В.Булатовой, С.Л.Николаева, Е.Э.Будовской, Г.И.Замятиной «Праславянская акцентология и лингвогеография» — вопросам реконструкции праславянской акцентологической системы.

III.1.2. Современная фонетика: больше всего докладов было посвящено проблемам славянской просодии и акцентологии,

ставшим центральными в изучении фонетического строя славянских диалектов (М.И.Лекомцева, Т.М.Николаева (Рус.) «Просодический ландшафт славянства»; Л.В.Златоустова (Рус.) «Сопоставительная просодия славянских языков»; И.Кочев (Болг.) «Болгарские диалекты — микрокосмос в славянском языковом мире (акцентологические сравнения)»).

III.2. Лексика: доклады носили частный характер, так как были посвящены выявлению ареалов отдельных лексем (ср., напр., доклад Д.Чупича (Югосл.) «Ареалы лексемы *Pinus silvestris* в славянских диалектах»).

IV. Этнолингвистика: этой проблематике было посвящено наибольшее число докладов.

IV.1. Теоретические и методологические проблемы этнолингвистики (Н.И.Толстой, С.М.Толстая (Рус.) «Слово в обрядовом тексте»; Л.Н.Виноградова (Рус.) «Семантика фольклорного текста и ритуальные типы взаимодействий»);

IV.2. Проблемы этногенеза (В.В.Мартьянов (Блр.) «Этногенез славян. Язык и миф»: в докладе аргументируется необходимость привлечения данных славянской мифологии для решения вопросов, связанных с этногенезом).

IV.3. Частные вопросы этнолингвистики: особенно популярны были сюжеты, посвященные свадебным и погребальным обрядам (В.Попов (Блг.) «Погребение, свадьба и их поэтичско-образная символика в фольклоре славянских народов»; А.Аксамитов, Л.Малаш (Блр.) «Белорусская свадьба в ее отношении к западнославянской свадьбе (обряд, поэзия, язык)»), заговорам (Л.Раденкович (Югосл.) «Славянские народные заговоры»), загадкам (Б.Сикимич (Югосл.) «Место сербскохорватских народных загадок в общеславянском контексте»), легендам (Е.Анастасьева (Блг.) «Славянские этиологические легенды. К вопросу о межэтнических связях»; Н.Любинкович (Югосл.) «Особенности развития эпической легенды у южных славян с XI—XV вв»), духовным стихам (С.Е.Никитина «Духовные стихи в современной старообрядческой культуре: место, функция, семантика»).

Критическое осмысление проблематики этих докладов и содержащихся в них выводов даст мощный импульс развитию русской диалектологии, определит стратегическое направление ее развития. Судя по тому, что всеобщий интерес вызвали доклады, посвященные проблемам лингвогеографии (И прежде всего осмыслению новых фактов диалектной дифференциации, представленной в национальных и наднациональных атласах), а также исторической фонетики и этнолингвистики, думается, что именно эти направления в ближайшее время должны стать приоритетными в русской диалектологии. В то же время нельзя не заметить и существующих тематических лагун в славянской

диалектологии (отсутствие или практическое отсутствие, например, работ, посвященных диалектной морфологии, словообразованию, синтаксису, истории формирования тех или иных говоров и др.), заполнить которые — одна из наших задач.

Е.А.Нефедова
(Москва)

АРЕАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЛСГ

Известно, что ЛСГ характеризуются типичным для каждой из них набором мотивировочных признаков (МП). Компоненты ЛСГ могут отличаться друг от друга максимально — МП, положенным в основу наименования, или мотивационной основой (МО), и минимально — словообразовательными формантами при общности МП и МО. Картографирование компонентов ЛСГ с учетом названных особенностей позволяет выявить ареалы разных типов: мотивационные, лексические, словообразовательные. Мотивационные ареалы более обширны, чем лексические, и находятся с последними в иерархических отношениях.

Выделение мотивационных ареалов ориентировано на синхронию. Однако в состав ЛСГ обычно входят и немотивированные слова, локализация которых не только дает лексические ареалы, но и определенным образом вписывается в мотивационные ареалы, ориентированные на диахронию. Ареалы такого типа можно определить как номинационные.

Номинационные ареалы выявляются при локализации групп слов, образованных на основе действия общего принципа номинации (ПН), который в немотивированных словах устанавливается с помощью этимологического анализа. Номинационные ареалы несут информацию наиболее обобщенного характера по сравнению с лексическими и мотивационными: они представляют семантические отношения в отвлечении от их лексемного воплощения.

Например, названия паука, относящиеся к ЛСГ «Насекомые», на территории архангельских говоров представлены двумя противопоставленными друг другу номинационными ареалами. Названия с общим ПН «способность плести паутину»: *сетник*, *сильник*, *тенетник*, *музгирь* (соотносится с лит. *mezgù* «вязать, завязывать»; см. М.Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*. Т.2, С.619) характеризуют говоры в бассейне р.Двины и говоры в верховьях р.Пинеги. Названия с общим ПН «особен-

ности внешнего вида": *паук* (*паук*), этимологически связанное с греч. *ὄυκτος* "крючок", лат. ирис "кривой" (см. М. Фасмер. Т. 3. С. 218), *котомка*, *котама* представлены в онежских, поморских, мезенских говорах, в говорах по нижнему и среднему течению рек Двины и Пинеги.

В. М. Мокиенко
(С-Петербург)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ (ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

Лингвогеография со времен Ж. Жильерона отводит особую роль лексике, несмотря на ее кажущуюся количественную и качественную пестроту и разнородность. Хотя глобальные языковые и диалектные классификации строились и продолжают строиться преимущественно на основе фонетических и словообразовательных изоглосс, изолексы служат своего рода "мечеными атомами", делающими такие классификации конкретными и дающими богатый материал для различных экстралингвистических интерпретаций. Лексический состав насквозь семантичен и потому наложение его на карту во многом ориентируется именно на семантику. Отсюда последовательно тематический принцип составления лексических атласов. Такой принцип оправдан как для "вертикального", генетического описания лексики, так и для "горизонтального", семантико-типологического.

Тяготение к семантической группировке объединяет лексические изоглоссы с фразеоглоссами. Немногие, спорадические попытки ареального описания фразеологии поэтому также ориентированы на тематический принцип (ср. вопросы В. И. Ковалева для белорусской фразеологии или А. А. Ивченко — для украинской). При принципиальной общности такого подхода конкретные попытки наложения фразеологического материала на географическую сетку выявляют и резкое различие в количестве и направленности тематических групп фразеологии. В отличие от лексики она насквозь антропоморфна и потому субстанционально экспрессивна. Отсюда сосредоточенность фразеологических полей на негативно оценивающей семантике и относительную немногочисленность таких полей при мощной количественной наполняемости каждого из них (ср. поля глупости, пьянства, безделья, множественности, интенсивности и т. п.). Данная фразеологическая специфика объясняет непоследовательность отражения фразеологического материала или его

полное отсутствие в большинстве языковых атласов (включая «Общеславянский лингвистический атлас» или «Лингвистический атлас Европы»).

Фразеологическая лакуна в лингвогеографии может быть заполнена лишь при условии разработки специальной методики ареального описания фразеологизмов. Такая разработка предполагает учет не только семантической избирательности фразеологии по сравнению с лексикой, но и формальной ее специфики. Фразеологизм как раздельнооформленная единица “раздвоен” (resp. “расстроен” и т.д.) и на ареальной проекции. Нанесение на карту фраземы по типу ареального описания лексемы поэтому бесперспективно: во-первых, неясно, какому компоненту фраземы отдать предпочтение, во-вторых, как “усреднить” довольно частый разброс ареальных проекций многочисленных вариантов диалектных фразем. Возможным выходом поэтому представляется метод структурно-семантического моделирования, разработанный докладчиком применительно к славянской фразеологии (см.: В.М.Мокиенко. Славянская фразеология. М., 1980; 2-е изд. М., 1989). В соответствии с ним фразеоглосса представляет собой не линию, обозначающую границы конкретной фраземы или — тем более — ее компонентов, но совокупность фразем, объединенных одной структурно-семантической моделью имеющих единый генетический источник и функционирующих на компактном ареале. Опыт покажет, насколько самодостаточно такое описание и насколько фразеоглоссы такого рода адекватны изолексам.

Л.А.Климкова
(Арзамас)

К ПРОБЛЕМЕ СПЕЦИФИЧЕСКОГО В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ

Нарицательная лексика, бытующая в говорах Нижегородской области, разнообразна по территориальной окрашенности. На основе данных диалектных словарей, в частности «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И.Даля и «Словаря русских народных говоров» под ред. Ф.П.Филина и Ф.П.Сороколетова (СРНГ), в нижегородской лексике можно выделить несколько групп слов. Это: 1) северновеликорусская и вместе с тем нижегородская лексика; 2) южновеликорусская и нижегородская; 3) средневеликорусская и нижегородская; 4) нижегородская и волжская; 5) нижегородская и уральская, сибирская;

б) лексика широкого ареала, в том числе нижегородская; 7) собственно нижегородская, не зафиксированная по названным словарям в других говорах; 8) лексика, не отраженная в словарях как нижегородская; 9) нижегородская лексика, не отраженная в названных словарях вообще. Совмещение лексических ареалов на данной территории при наличии локальных явлений и составляет специфику говоров.

В плане номинации в диалектной лексике, в том числе в собственно нижегородской, обращает на себя внимание явление разного обозначения по говорам одних и тех же реалий — явление, именуемое исследователями по-разному: синонимия, лексико-семантическая вариантность, лексическая дублетность, параллелизм и др. При этом параллели являются разными по своему характеру, отличаются разными сторонами. Так, выделяются собственно лексические единицы-параллели (*бахорить* — *бакўлить* “говорить, разговаривать”; *балахры́ст* — *баклу́шник* — *альрник* “бездельник, лентяй”); лексико-структурные, лексико-словообразовательные (*бухво́стница* — *бухво́стка* “сплетница”; *брусни́га*—*брусове́ц* — *брусéна* “брусника”; *вы́скорь* — *вы́скирья* — *вы́скыря* “вывороченное с корнем дерево”); лексико-фонематические (*булга́чить*—*булда́чить* “заниматься промыслом живодеров”); лексико-фонетические, в частности акцентные (*бу́хна* — *бу́хма* — *бухма́* “брюква”) и др.

Представленность и характер параллелей служат свидетельством своеобразия номинации и ее результатов в разных говорах, неповторимости всей диалектной лексической системы, а также свидетельством направления развития лексической системы.

Тем более показателен в этом плане подобный параллелизм — синонимия внутри одной микросистемы, в особенности если единицы отличаются хронологически, степенью актуальности. Так, в одном из арзамасских говоров (с.Котиха) в области лексики природы зафиксирован ряд параллелей, включающих неактуальное, редкое слово, употребляемое в речи старшего поколения диалектоносителей, и актуальное, частотное, общепотребительное в диалекте. См. соответственно: *ма́ковка* — *горби́на* “вершина холма”; *яр*, *вершинка* — *овраг*; *окид* — *иней*; *зауве́й* — *ветер*; *ветвя́тник* — *хворост*; *поруб* — *бревно*; *оре́шье* — *орешник*; *крапи́вица* — *крапива*; *лопу́шник* — *лопух*; *репни́к* — *репейник*; *желту́шка* — *лисичка*; *седу́ха* — *наседка*; *волчи́ный* — *волчий* и др.

Во многих случаях неактуальное слово не имеет соответствующей актуальной лексемной параллели, а номинация реалии осуществляется описательно: *рассо́шник* — развилистое дерево; *па́гарь* — горелый, выгоревший лес; *гарь* — лес, выросший на

пожарище; *вырубок* — срубленный лес; *деревье* — большое растущее дерево; *деревина* — отдельное дерево; *бережина* — теплая вода; *болонья* — заливной луг; *гнилина* — гнилое, гнивающее дерево и др.

Процесс утраты словом актуальности также может определять специфику отдельного говора: в другой микросистеме (или других микросистемах) соответствующие слова могут быть общеупотребительными.

Обращают на себя внимание лексемы, имеющие специфические значения или оттенки значения. Так, в одном из лукояновских говоров (с.Лопатино) слово КОСТРОМА имеет значение “дремучий, непроходимый лес”, в названных же выше словарях это значение не фиксируется, а в числе прочих приводится как владимирское, муромское, саратовское значение “большое чучело из рогожи и соломы” и дается описание обряда встречи страдных работ. Слово ХИЖА обозначает “испорченные (заломленные или скрученные) колосья в поле”, ср. у Даля: “хилая погода, мокрая, осенняя слякоть, дрябня, дождь и снег”, нижегородское, пермское. ЗАВОДЬ — “цветущая зелень на стоячих прудах”, в СРНГ из тринадцати значений ничего похожего на данное значение нет. ГЛУБНИК — “очень глубокое место в реке, омут”, в СРНГ этим словом обозначаются разные ветры.

Аналогичное явление можно показать на словах МОРОК, ОБЛОЙ, ГРИВА, ЖАРА, ВЫПАДОК и многих других.

К.И.Демидова
(Екатеринбург)

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДИАЛЕКТА И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕГО ОТРАЖЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОМ АТЛАСЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Изучение лексико-семантического уровня русских народных говоров в системном плане с учетом социолингвистического аспекта, наблюдаемое в диалектологических работах последних десятилетий, показало, что современную лексико-семантическую систему диалекта можно представить как взаимосвязанное единство двух систем: архаической и переходной, имеющих как общие, так и отличные черты, связанные с основными звеньями системы. Одним из основных звеньев лексико-семантической

системы являются лексико-семантические парадигмы (ЛСП), характер которых в архаической и переходной системах не всегда одинаков. Различными могут быть: лексическая наполняемость ЛСП, степень активности в употреблении тех или иных компонентов ЛСП, структура ЛСП, так как не одними и теми же являются ядро и периферия ЛСП. Ср., например, наполняемость ЛСП с общим семантическим компонентом "домотканая хлопчатобумажная ткань" в говоре с.Бутка Талицкого района Свердловской области: архаическая система — *белина, грентур, кеж, кумач, новина, парусина, пестрядь*; переходная система — *кеж, парусина, холст*. В ЛСП с семантическим компонентом "посуда для приготовления пищи на огне" в архаической системе ядро составляют слова *миска, лист, чугу́н, сковорода, котел, жареха*, а периферию — *кастрюля, противень*. В переходной системе ядро представлено словами *кастрюля, противень, сковорода, котел, жареха, чугу́н*; периферия — *миска, лист*. Все это обуславливает различия парадигматических и синтагматических связей слов одной ЛСП в архаической и переходной системах, что в конечном итоге определяет лексическое значение слова как единицы ЛСП, ибо выбор дифференциальных смысловых признаков слова диктует система через семантические общности. Например, в архаической системе слово *миска* (со значением "кастрюля") входит в ЛСП с семантическим компонентом "посуда для приготовления пищи на огне" (*миска, кастрюля, чугу́н, противень, котел, сковорода, жареха*). В переходной системе того же говора слово *миска* входит в ЛСП с семантическим компонентом "посуда для приема пищи" (*вилка, нож, блюдо, миска* и т.д.). См. различие их синтагматических связей: *изладь суп в миске* (1), *хлебаць суп в миске* (2). Поэтому не совпадает семантическая характеристика слова *миска* в архаической системе ("металлическая посуда цилиндрической формы, с крышкой и ручками, служащая для варки пищи") и в переходной системе ("железная эмалированная (реже глиняная) посуда в виде широкой чашки для приема первых блюд").

Использование социолингвистического аспекта при изучении ЛСС диалекта даст возможность представить более или менее объективно реально существующую и функционирующую диалектную лексическую систему, влияющую на лексическое значение слова. Разработка этого аспекта исследования ЛСС диалекта важна и в прикладном плане: для лингвистического картографирования (подобный материал, представленный в ЛАРНГ с помощью известных в диалектологии помет 1,2,3, дал бы возможность отразить пространственную трансформацию диалектной лексической системы под влиянием различных факто-

ров, степень влияния литературного языка, рассмотренную в ареальном аспекте, что усилит информативную сторону карт ЛАРНГ) и для практически диалектной лексикографии.

В.И.Дьякова, М.Т.Авдеева
(Воронеж)

ОСОБЕННОСТИ ОБСЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ РУССКО – УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

«Карты ЛАРНГ позволят впервые выявить и уточнить ареалы многих слов, отражающих языковую картину мира русского народа» (Славянское языкознание. XI съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С.337). На наш взгляд, эта картина не может считаться полной без учета особенностей контактных языковых зон вообще и русско-украинских в частности.

Многовековые контакты русского и украинского народов не могли не оставить следов взаимного влияния в языке и культуре обоих народов.

Воронежская область — это та территория, которая с давних пор является русско-украинским пограничьем, где видны процессы этнокультурной и языковой интеграции двух родственных восточнославянских народов.

Наше сообщение основывается на данных, полученных в экспедициях в Богучарский и Петропавловский районы Воронежской области, где издавна рядом живут русские и украинцы.

Обследование территорий русско-украинского пограничья убеждает нас в актуальности изучения этого региона и необходимости тщательного отбора материала для картографирования.

Все типы карт, предусмотренные в ЛАРНГ и необходимые для отражения пространственно-временной проекции полученных данных, актуальны и для обследования контактных языковых территорий.

Лексические карты дают интересный материал при картографировании названий предметов материальной культуры, растительного и животного мира, разного рода действий: *выгваздаться — замурзаться, веретье — таша — лантух, шуметь — го-монить, анис — ганус, чиленок — горобья* и др.

Среди семантических карт одни уточняют ареалы бытования общих для украинских и русских говоров лексем: *груба* (печь), *кут* (угол), *рогач* (ухват), *узвар* (компот), *багно* (болото), *лан* (поле)...

Другие — разницу в семантическом объеме. Например, *пелька* в русских говорах имеет значения “прорубь”, “петелька”, в украинских — разг. “глотка”, бр. “хайло”; *гай* — укр. “роща”, рус. “лес, роща”; *брехать* — укр. “врать, лгать”, рус. “врать”, “лаять” (о собаке); *ток* — рус. “место для молотбы”, укр. “место для молотбы”, “огород”.

Третьи указывают на разницу в семантике: *вогник* — рус. “чирий”, укр. “огонек”, *губить* — рус. “губить”, укр. “терять”, *пытать* — рус. “пытать”, укр. “спрашивать” и т.д.

Разнообразными представляются словообразовательные карты.

Наиболее интересными на пограничных территориях следует признать сводные карты (карты изоглосс), так как проявление особенностей функционирования общеславянских корней выявляется в подобной языковой ситуации более полно, а поддержка ареала может способствовать как устойчивости их бытования, так и сохранению семантического объема.

И.А.Попов
(С.-Петербург)

ДИНАМИКА ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

1. Исторические изменения в словарном составе русского языка — процесс постоянный. Исследователи лексики русских народных говоров давно обратили на это внимание и отмечали изменения даже тогда, когда лексика говоров не подвергалась столь сильному воздействию литературного языка и других факторов, как в наше время («Русский Архив», 1866г., В.Н.Добровольский, 1914). На протяжении длительной истории изучения диалектной лексики, в описательном и теоретическом плане, мотив о происходящих изменениях занимал важное место (Н.М.Каринский, Ф.П.Филин, П.С.Кузнецов, Л.И.Баранникова, И.А.Оссовецкий, О.И.Блинова, В.Е.Гольдин, В.В.Палагина, Л.И.Горева, В.В.Симонов, Т.С.Коготкова и др.)

Л.И.Баранникова, объясняя теоретические основы этого процесса, связывала его с “изменением речевого сознания носителей говора, с появлением сознательного стремления к замене привычных диалектных слов новыми, прежде всего литературными” (Русские народные говоры в советский период, Саратов. 1967. С.83), в результате чего “говоры как цельные речевые единицы со своей системной организацией, известные по

учебникам русской диалектологии и иной диалектологической литературе, теперь уже почти не существуют" (Ф.П.Филин, О структуре русского литературного языка // ВЯ. 1973. № 2. С.4) и по своей структуре их можно определить как полудиалект (Т.С.Коготкова, Русская диалектная лексикология, М., 1979. С.5). И в работе над ЛАРНГ мы можем наблюдать весьма очевидные результаты этого длительного исторического процесса.

2. Однако вместе с тем кладовая народного русского языка оказалась настолько богатой, что не исчерпана до конца и до наших дней, о чем свидетельствуют многочисленные областные словари и картотеки, созданные в последние десятилетия в разных регионах страны и даже в пристольничном московском регионе, в котором, "казалось, великорусские говоры нигде так сильно не стерты и нивелированы в лексическом отношении (отчасти и в фонетическом и морфологическом), как в деревнях, близких к Москве" (Н.И.Толстой), Предисловие к книге А.Ф.Ивановой Практические занятия и курсовые работы для студентов литературного факультета, М., 1976. С.4). Об этом свидетельствуют и материалы, собранные для ЛАРНГ и проводящиеся в связи с работой над ним лексикологические исследования.

3. Проблема изучения ареалов лексики в этом Атласе тесно связана с изучением ее динамики, поскольку Атлас отражает реальное состояние народного языка. К тому же работа над ним неизбежно займет много времени, и хронологические рамки отраженных в нем материалов достаточно широки, так как "мгновенная фотография" лексики на столь обширном пространстве невозможна. В теоретическом плане эта проблема уже рассматривалась. См. «Проект Лексического атласа русских народных говоров», «Исторические карты в Лексическом атласе русских народных говоров» З.М.Петровой (Координационное диалектологическое совещание «ЛАРНГ—93», СПб, 1993. С.14—15). Отмечались следующие аспекты такого изучения: а) изменения в современных говорах, б) изменения в говорах XX в., в) изменения в говорах XIX—XX вв., г) изменения на базе старорусского лексического фонда. Реализация этих аспектов зависит от степени обеспеченности их материалами, от характера использованных источников. Такими источниками являются: а) материалы, собранные экспедициями, любителями народного слова в наши дни, б) материалы словарных картотек, словарей, атласов, в) материалы лексикологических исследований.

4. Материалы экспедиций, отдельных собирателей дают в наибольшем приближении сведения о лексике народного языка в наши дни, если они выполнены квалифицированно. В ответах на вопросы Программы имеется значительное количество обще-

русской лексики, на фоне которой распространены диалектные названия. Такая картина для нашего времени вполне естественна, однако следует иметь в виду, что собирателю необходимо проявлять находчивость, затратить немало усилий, времени для установления состояния пассивного слоя лексики, объективных комментариев.

5. В материалах словарей и картотек представлена лексика более раннего хронологического слоя, нередко более богатая, чем имеется сейчас. Поэтому очень важно, чтобы в картотеку Атласа вошли и эти материалы. Они расширят круг лексики, дадут представление о ее динамике, позволят скоординировать направление поиска.

6. Важным источником изучения состава ЛСГ, их динамики является лексикологическая литература, материалы атласов. Необходимо произвести полный учет библиографии работ по соответствующим темам Программы Атласа, которые нужно учитывать при его создании.

7. Материалы показывают, что при составлении карт Атласа типичной является следующая ситуация: а) экспедиционные и другие сведения последнего времени содержат обычно новые данные о составе ЛСГ по сравнению с источниками более раннего времени, б) некоторые лексемы в составе ЛСГ, по сравнению с более ранними источниками, отсутствуют, в) имеет место несовпадение сведений об ареалах, г) широко представлена общерусская лексика.

8. Примером может служить анализ ЛСГ со значением "иней". Для сравнения использованы материалы ЛАРНГ и СРНГ. а) Наблюдается устойчивость словарного состава этой ЛСГ, что подтверждается наличием определенной части лексем в названных источниках. В материалах Атласа эта ЛСГ представлена следующими словами: (1) *иней, инега, инея, ивень*; (2) *куржá, куржáк, кúржевень, кúржевина (куржеви́на), куржева́*; (3) *обморозь (обморóзь), óморозь, зáморозь, зáморозок, íзморозь, нáморозь, морóзик*; (4) *наледь, (налéдь)*, (5) *гáлага*; (6) *я́рмига*; (7) *гúдега, бúдега*; (8) *обло́й*; (9) *виш, вишáр*; (10) *выпадо́к*; (11) *о́кидь, о́хидь, кить*. Из них в СРНГ не отмечены слова: *куржева́, óморозь, зáморозок, морóзик, бúдега, виш, выпáдок*. В то же время в материалах Атласа не встретились слова: *ивеньé, куржо́ха, куржух, куржу́ха (куржухá) гúстега, кича, кы́ча*. б) Наблюдается несовпадение ареалов или несоотносительность ареалов.

9. Несовпадение сведений о составе ЛСГ может объясняться причинами объективными и субъективными. В первом случае они могут быть результатом изменений в лексике говоров, во

втором — результатом недоработки собирателей. В этом случае необходимо продолжить исследование в полевых условиях.

З.В. Жуковская
(Псков)

ТРУДНОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

1. Летом 1992г. был закончен сбор материала по Программе «Природа» на всей территории Псковской области. Но прежде чем начать картографировать, надо было убедиться в достоверности собранного материала. После того как весь накопленный материал по Программе «Природа» был расписан по всем номерам Программы соответственно всем двадцати четырем районам Псковской области, обнаружилось, что не на все номера Программы есть ответы (ответ — диалектным или литературным словом — должен быть, чтобы на карте не было населенных пунктов без знака), что на какие-то номера Программы по всем районам представлены только слова литературного языка, а на какие-то — только диалектизмы (хотя можно предположить, что собиратели могли не выявить в первом случае — диалектное слово, а во втором — литературное), что среди ответов есть такие, которые вызывают сомнения (например, *синюха* в значении 'самка синицы' или *желна* в значении 'дятел') или вообще неправильны (например, "старый волк" к №188, где требуется слово, обозначающее большого волка).

Встречаются и случаи, требующие особого подхода (судя по ответам информантов, слова *слепень* и *овод* имеют для них одно и то же значение, хотя по данным словарей ими называют разных насекомых). Общим недостатком большинства ответов на Программу является отсутствие контекста (хотя во многих случаях без контекста нельзя определить значение слова, — в качестве примера можно привести слово *животина*, известное в двух значениях).

2. Результаты анализа собранного экспедициями материала показали, что ответы на Программу «Природа» требуют корректировки и дополнительной проверки. С этой целью были использованы богатства картотеки Псковского областного словаря (КПОС). Сверка лексики из словника по семантике «Природа» с КПОС — работа чрезвычайно трудоемкая, но необходимая — выявила множество диалектизмов, подтверждающих уже данные ранее ответы или являющихся диалектными словами, не

замеченными экспедициями по сбору материала для Лексического атласа. К примеру: экспедиции к № 381 выявили слово *налим* (только в двух ответах промелькнуло слово *мень*), КПОС показала широкое употребление слова *мень* по всей области (*мень* — по-нашему, по-правильному *налим*); в ответе на № 244 (как называется шкура теленка) фигурировали только описательные обороты, КПОС представила диалектное слово *опоек*, бытующее повсеместно в псковских говорах. Карты, сделанные по первоначальным материалам, не соответствовали бы действительности.

3. Кроме выборки диалектных материалов из КПОС, летом 1993 года началось переобследование по Программе «Природа». С этой целью были подготовлены (по каждому району) списки номеров Программы, на которые не было ответов или которые требовали перепроверки и дополнений. Проверочные экспедиции себя полностью оправдали — материалы для картографирования наполнились множеством не выявленных ранее диалектизмов, уточнилось значение многих слов в хороших контекстах.

4. Из всего сказанного следует, что псковские диалектологи пока находятся на первом этапе картографирования, что материал для Лексического атласа по Программе «Природа» собран не полностью, он требует дополнения и перепроверки.

Е.Г.Мельникова
(Псков)

О КАРТОГРАФИРОВАНИИ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ

Большая работа многих диалектологов над Лексическим атласом русских народных говоров начинает вступать в новый этап — создание регионального Лексического атласа.

Псковский пединститут начал работу по созданию Лексического атласа псковских говоров.

Составление лингвогеографических карт ведется на основании вопросов Программы собирания сведений для ЛАРНГ. Много материала взято из картотеки Псковского областного словаря.

Метеорологическая лексика является частью большой Программы собирания сведений для ЛАРНГ по теме «Лексика природы». Ей отводятся вопросы №530—648.

Карты составлялись на материале исследований и отчетов Псковских диалектологических экспедиций 1990—93 гг.

Работа над созданием лингвогеографических карт по теме «Метеорологическая лексика» позволяет сделать некоторые выводы.

Огромно влияние русского литературного языка на псковскую лексику. Иногда при ответе на вопрос программы отдается предпочтение литературному слову, хотя существует диалектное слово. На вопрос №596 последует ответ: “сугроб”, а затем — “сумёт”, “намёт”.

Группа вопросов №620—631, 636, затрагивающих тематическую группу “направление ветра”, так и остается невыясненными. Повторные экспедиции не дали результата. Карты с этой тематической группой остаются незаполненными.

Имеются карты, где широко представлены лексические диалектизмы. Вопрос №538 “Холодная погода” имеет 19 различных слов и словосочетаний с словообразовательными элементами (*холодина, холодище, холодюга, холодрыга, холодрун, холодница, холодень* и др.).

Составление лингвогеографических карт по теме «Метеорологическая лексика» дает представление о географии слов, распространенных на территории Псковской области.

Региональный лексический атлас может стать наглядным пособием при изучении местных диалектов.

З.М.Петрова
(С.-Петербург)

КАРТА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СУГРОБ» (по материалам картотеки Лексического атласа русских народных говоров)

1. В настоящее время собран значительный материал для ЛАРНГ, в особенности по теме «Лексика природы». Работа по пополнению этих сведений продолжается, однако уже сейчас имеется возможность проводить пробное картографирование с целью уточнения его принципов, легенд, комментариев к картам, критической оценки собранных материалов, учета их недостатков в дальнейшей работе.

2. В Программу собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров включен вопрос (596) в составе ЛСГ со значением “сугроб”. В атласах русского языка эта группа слов не подвергалась ранее лингвогеографическому изучению

(Диалектологический атлас русского языка, Лексический атлас Московской области А.Ф.Войтенко, Лингвистические карта Г.Г.Мельниченко), хотя ее состав разнообразен, особенно он был богат в прошлом. Не случайно эта ЛСГ стала предметом изучения в Вопроснике Общеславянского лингвистического атласа (вопрос 2496), в Программе для збирання матеріалів до Лексичного атласу української мови (вопрос 2992), інструкції па збиранню матеріялаў для складання Лексічнага атласа беларускай мовы (вопрос 76).

3. Рассматриваемая пробная карта ЛАРНГ принадлежит к типу лексических. На ней представлен следующий состав ЛСГ, употребляющихся в современных говорах: *сугроб, занос, сумет, намет, замет, нанос, коса, косарь, косица, косяк, горбуль, грива, буерак, бугор, целик, ворох, забой, соловок, надув, переносы* (на дороге), *груда, гора*. В этот перечень не включены слова *изморозь, насты, ухаб*, значение которых нужно проверить.

4. Наиболее распространенным на изучаемой территории является естественно общерусское слово *сугроб*, на его фоне в разных местах этой территории употребляются приведенные диалектные слова, среди которых шире распотсранены *сумет, замет*. Некоторые из них встречаются и в других славянских языках, что позволяет наметить в дальнейшем общие изоглоссы: *сугроб, сумет, гура* (белор.), *замет, наміт* (укр.).

5. В настоящее время состав этой ЛСГ стал беднее, чем был в прошлом по данным областных словарей, которые использовались при подготовке Программы Атласа: *буераковина, буерачек, вертепужены, горбуль, грива, забой, завраг, задым, заметь, занос, заувей, надув, надымье, намет, омеж, понос, посвеек, сбоек, целик, чулым...* В материалах Атласа не отмечены слова *буераковина, буерачек* (хотя есть *буерак*), *вертепужены, завраг, задым, заувей, надымье, омеж, понос, посвеек, сбоек, чулым*. Очевидно, при дальнейшем сборе материалов следует обратить внимание на отсутствие этих сведений, на достоверность их отсутствия. Следует подумать о целенаправленной проверке таких сведений по всем разделам Программы, о методике ее проведения.

В то же время вновь собранные сведения для Атласа содержат лексику, которая не встречалась в более ранних источниках: *буерак, бугор, гора, груда, замет, нанос, косарь, косица, косяк*. При этом выявлены ряды синонимов в определенных населенных пунктах, регионах, например, *грива — надув* (298), *сугроб — коса* (41), *грива — сугроб — занос* (439), *сугроб — занос* (185, 357, 388, 853, 937, 995), *буерак — сугроб* (186), *забой — сумет* (4), *соловок — сугроб* (35), *занос — бугор* (995), *сугроб — нанос — занос* (на дороге) (872), *сугроб боль-*

шой — насты (19), сугроб — нанос — бугор (87), сугроб — сунет (30), сугроб — занос — нанос — изморозь (898), сугроб — намет (884), грива — занос (56), косарь — нанос (66) и т.д.

6. К числу недостатков, выявившихся при работе над материалами Атласа, можно указать следующие: а) было бы желательно давать более детальную семантическую характеристику слова в зависимости от того, какой имеется в виду нанос снега — на открытом пространстве, у стены, забора и т.п.; к сожалению, Программа эту дифференциацию не предусматривает; б) желательно иметь больше примеров употребления слов в речи, в особенности в случае выявления синонимических рядов или семантических эквивалентов; в) при наличии синонимов нужно попытаться узнать, какие из них являются более употребительными, какие — менее.

А.В.Войтенко
(Москва)

ОБ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ ГНЕЗДЕ ЖУРАВЛЬ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

1. Лексема журавль в комплексе значений и форм возводится нами к алломорфу жур—жар—жер—жор—жир, где гласный меняется в результате чередования. Исследуемая лексика охватывает в семантическом отношении наименование птиц (журав, журавь, журавель, журавлица, журавец, журка, журак, жарав, жаров, жорушка и др.), ягоды клюквы и других растений (жарава, жаравица, жаравлица, жаравина, жаравлинник, жеровица, жеравиница, журавига, журавичина и др.), конкретных предметов (шест, рычаг, рукоять и т.д. — журав, журавль, журавец, журавка и др.), игр (жаровка, жёров и др.) и т.д.

2. По всей территории распространения русских народных говоров употребляются наименования с основой —журав—, практически являющиеся фоном, по которому идет функционирование остальных наименований. При этом повсеместными являются наименования с семантикой 'птица журавль', 'колодезный журавль'. Из конкретных наименований выделяются следующие, стоящие на периферии слова в целом: журав 'веретено для наматывания ниток', журавка 'рукоятка руля, румпель на лодке', журавь (и варианты) 'шест для подъема воды из колодца', журавли 'кружки сала, масла на воде' и др. Широкое распространение имеет лексема журавль с семемой 'игра, в которую

играют девушки во время прилета журавлей' (отсюда *журавли́ный* 'любящий пошутить с девушками', *жура́левать* 'играть, шалить — о парне с девушкой' в калужских и других говорах). Известен ряд фитонимических наименований с основой *-журав-* (*журавли́ный горóх*, *горóшек* с семемой 'чина лесная' — в ладо-го-тихвинских и онежских, а также в смоленских говорах; в орловских говорах с тем же значением распространена лексема *журавинник*, в курских говорах отмечена лексема *журавленник* с семемой 'герань луговая', в воронежских — *журавник* 'мышинный горох' и т.д. Широкое распространение имеют наименования с указанным алломорфом и на территории среднерусских (псковских, нижегородских) и старожильческих говоров (в говорах Урала, в частности).

3. Названия ягоды клюквы строятся на базе конкуренции образований с компонентами *-жур-*, *-жар-*, *-жер-* и распространяются в виде четкого ареала, захватывающего севернорусские, большую часть среднерусских переходных и западную часть южнорусских говоров. Кроме названий клюквы, русскому северу известны и другие фитонимические наименования с компонентом *-жар-*: *жарови́ка* 'брусника', жарови́нец 'ивовый лес', *жарови́ца* 'земляника', *жарове́ц* 'растение семейства злаковыхвейник наземный' и т.д.

4. Для выявления изучаемого материала использованы региональные диалектные лексикографические источники, а также «Словарь русского языка» под ред. акад. А.А.Шахматова, «Словарь русских народных говоров» под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова, личные записи автора.

А.Ф.Войтенко
(Москва)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДУХОВНОЙ СТОРОНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

1. Для диалектолога, историка и этнографа большой интерес представляет работа по картографированию лексем, связанных с такими сторонами в жизни общества, как крестьянские праздники, гадания и игры.

Отмечаемое в последние годы внимание к дням крестьянского календаря в нашем обществе в значительной степени упрощает и проблему сбора лексического материала. Имеющийся в открытом доступе церковный календарь облегчает лингвисту

подготовку программы. Интерес же к указанной лексике, отражающей бытовую и производственную сферу жизни, на наш взгляд, имеет огромное значение и для лингвистики. Обратим внимание хотя бы на вариативность и имплицитность—эксплицитность в структуре наименований фразеологического типа (*Алексей Тёплый, Алексей с Гор Потóки, Алексей Тёплый — с Гор Потóки, Алексей Бóжий человек— с Гор Потóки, с Гор Потóки и т.д.; Дáрьи — Грязные Прóруби, Дáрьи Ива́новны, Дáрья Ива́новна, Дáрья Ива́новна — Грязные Прóруби, Дáрьи Ива́новны — Засеребри Прóруби, Дáрьи Ива́новны — Мусорные Прóруби, Дáрья Ива́новна — Мусорные Прóруби, Дáрьи Ива́новны — Посеребри Прóруби* и многие другие варианты этого фразеологизма).

2. Более сложная работа предстоит лингвогеографу по составлению программы и сбору наименований по гаданиям. Здесь следует обратить внимание на классификацию номинативных единиц по понятийным группам (быть ли замужем, в какую сторону выйдет девушка замуж, где будет жить после замужества, как будет жить — богато или бедно, каким будет характер мужа, его поведение, внешность и даже имя и т.д.). В качестве ответов на вопросы могут быть получены лексемы, указывающие на разную семантику. Так, на обобщенный вопрос “куда выйти замуж”, наряду с лексемами *кида́ть ва́ленок, кидáть ла́поть, кидáть ло́жку, кидáть сапо́г*, можно получить в ответ описание гадания *ходи́ть на перекресток*, которое будет значительно отличаться от перечисленных (первые четыре гадания связаны с бросанием через голову валенка, лаптя, ложки, сапога и т.д., последнее — с ходьбой на перекресток дорог за деревню и подслушиванием, откуда лает собака. При этом девушка должна предварительно повернуться вокруг себя три раза). Ответом на вопрос “когда выйти замуж” могут быть такие разные по содержанию лексемы, как корзину ставить и пастушка схватить, в ответ на вопрос об “имени мужа” можно записать такие разные по значению лексемы, как *ряби́ну качáть, слúшать под óкнами, кидáть игóлку* и т.д.

3. Особого внимания заслуживает работа по сбору лексического материала, отражающего наименование игр. При составлении программы на указанную тему сами игры нужно разделить на детские и молодежные, а последние — на юношеские и девичьи. В качестве примера наименований игр первого типа (здесь нет еще деления — играют девочки и мальчики, лет пяти—шести) могут служить такие лексемы, как *корони́чки, лу́нки, лужки́, корóвки, в я́рки, в шалаши́, в ключи́, в ко́ршуны, в ма́льчиков, в лови́чки, в лоша́дки, в карти́нки, в я́мки* и т.д. Молодежные игры делятся на девичьи (*в молча́нки, костромá*

и др.), юношеские (*расшибёц, в мұхи, попки, в ласи* и др.) и общие для девушек и юношей (*хлеб — булка, коридор, ключи, кулочки, столбушки, бойки* и т.д.). Большой интерес представляют игры, в которые играют дети и взрослые (*в овечки* и др.). И наконец, особое место занимают игры, сопровождавшие посылки (*в кандалы, в колечко* и т.д.).

4. Составление программы по указанным видам наименований (праздники, гадания, игры) для сбора лексического материала, как видим, предусматривает основательное знакомство с самим предметом исследования, что обязывает диалектолога пройти прежде всего этнографическую подготовку. Однако ценность такого материала, являющегося наряду с определяемыми явлениями важнейшим составным элементом духовной культуры русского народа, является несомненной.

А.С.Герд
(С.-Петербург)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ (объект, цели, задачи)

Достижения русских, белорусских, польских, болгарских диалектологов позволяют поставить сегодня вопрос о переходе в отдельных случаях к новому этапу в области исторической диалектологии, к созданию региональных этимологических словарей (далее РЭС).

Цель РЭС не столько абсолютная дальняя этимология слова, формы, сколько выяснение прежде всего того, как, какими путями, откуда и когда проникло то или иное слово в данный диалект. И в этом плане для исторической диалектологии особую роль играют географически устойчивые по форме и значению производные.

Таким образом, главная задача РЭС — история ареального проникновения слова в диалект. Массовые лингвогеографические данные в их ареальной непрерывности — залог надежности любой этимологии.

Цель РЭС определить не только праславянский или локально-праславянский лексический фонд, но и выявить “свои” областные слова, локальные, местные по их происхождению.

Особое место здесь традиционно занимает этимология слов субстратных, заимствованных.

Одной из сложных проблем внешней лексикографии для РЭС является определение и обоснование избранного ареала.

В идеале — это территория, представляющая собой относительное древнее историко-культурное и языковое единство.

Существенную помощь здесь должны оказать исследования по этногенезу, исторической географии, этнографии, по лингвогеографии.

В РЭС гораздо больше, чем в общих этимологических словарях может быть уделено внимания формированию значений слов.

Конечно, основной объект РЭС — ареальная история слова в его основном значении. История разных значений слова и его производных — объект собственно исторической лексикологии. В то же время вряд ли предметом РЭС являются единично фиксированные узко-локальные слова, образованные по продуктивным для диалекта словообразовательным моделям (ср. модели слов с суффиксами -аг (няг), -ин-а, -андать, очк-а, ушк-а и др. в русских северо-западных диалектах). Но последнее предполагает, что мы знаем эти модели и их географию.

Основные методы создания РЭС — детальный ареальный словообразовательный и семантический анализ слова.

Во всей этой работе материалы и карты ЛАРНГ — один из основных источников.

РЭ словари — единственная надежная основа, корневая система будущего этимологического словаря русских народных говоров, и чем их будет больше, тем лучше.

Л.Я.Костючук
(Псков)

**КОГДА КАЖДЫЙ ОТВЕТ
НА ВОПРОС АНКЕТЫ ЗНАЧИМ...**
(к сбору материала для ЛАРНГ)

Для Лексического атласа, как для любого лексикологического и лексикографического труда, важны прежде всего лексические единицы, причем народные, местные названия. Но уходят люди старшего поколения, во многом сближаются условия жизни города и села, проникает в систему диалектного языка общерусская, в том числе и литературная, речь. Поэтому при сборе материалов для Лексического атласа русских народных говоров возникает много вопросов, а собиратели сталкиваются со многими трудностями.

Программа для ЛАРНГ при собирании сведений, в частности и по растительному миру, составлена с расчетом на идеального абстрактно-обобщенного носителя диалекта. Авторы программы хотели, чтобы были зафиксированы наименования не просто самих объектов, но и объектов с их разнообразными свойствами. Ср. те вопросы, которые касаются леса: наименование не просто понятия 'лес', но разновидности леса по составу деревьев (лиственный лес, хвойный лес, смешанный лес; с преобладанием деревьев одной породы), по возрасту деревьев, преимущественно одной породы (молодая поросль, старый лес), по густоте произрастания деревьев (редкий лес, густой лес, дремучий лес), по состоянию здоровья деревьев (здоровый лес, больной лес) и т.д. Этому посвящены вопросы 1, 3—8, 10, 11, 13—16, 18—29, 34. К ним добавляются вопросы о кустарнике (12,17).

Получить ответы на большинство вопросов требуется идя от понятия к слову. Это довольно трудный путь: методом опроса по программе. Но информант, как правило, не сразу вспоминает слово. В таком случае часто появляются ответы словосочетаниями: *лиственный лес, хвойный лес, густой лес, дремучий лес* и т.д. Подобные ответы обычно сопровождаются фразами: "*Густой лес и есть густой*". Или категоричное отрицание словесного наименования: "Нету особого названия".

Более долгий, но более верный путь — это вольная беседа, при которой приходится умело наводить на необходимую тему, необходимое понятие. Но при этом можно не получить вообще никакого ответа, так как никак не навести на нужную тему. На помощь в сборе материала приходят картотеки и опубликованные выпуски областных словарей, особенно такого, как Псковский областной словарь.

В последнее время есть еще неплохой путь нахождения материала: собиратель (это обычно студент) работает с родственником, у которого живет во время экспедиции и с которым может неоднократно говорить на одну и ту же тему, наводя на необходимый вопрос, переспрашивая и добываясь ответа.

Учитывая условия современной жизни диалекта и усиливающиеся тенденции не только к словообразовательной номинации, но и к аналитической, приходится фиксировать все возможные способы называния объекта: словом, словосочетанием, например, модели "прилагательное + существительное" или модели "существительное + предложно-именное сочетание", в которых прилагательное и предложно-именное сочетание выполняют роль компонента, называющего определяющий признак. Так, дерево с дуплом называют или просто *дерево* (Псковский район), или *пóлое дерево* (Дновский район) (прилагательное—

определение подчеркивает пустоту в стволе), или *дерево с дуплом* (Палкинский район) (предложно-именным компонентом более определенно отмечен соответствующий признак). Гниль на дереве тоже не названа в псковских говорах ни одним из предполагаемых программой слов. Диалектоносители или просто называют это понятие *гниль*, сопровождая рассуждением: "*Гниль и есть гниль; как ты ее еще назовешь*" (Палкинский район). При таком ответе наблюдается попытка информанта как бы вспомнить какое-то местное название, но отсутствие его (вообще в говоре или в памяти данного носителя говора?) заставляет прибегнуть к общерусскому наименованию. Информант может передать появление гнили: "*Гниль — начинает гнить дерево*" (Псковский район). Иногда используется образное слово *червоточина* (Дновский район), поскольку процесс гниения довольно быстро развивается, распространяясь не по поверхности дерева, а уходя в глубь ствола.

Ответ на следующий вопрос ('дерево с гнилью' может быть таким: *гнилое* (дерево), *деревина с гнильной* (Псковский район). В этом случае, возвращаясь к предыдущему вопросу, можно заполнить лексической суффиксальной единицей необходимую клеточку наименований: *гнилина* (!). На вопрос: "Какое это дерево, если оно с гнилью?" — во многих современных говорах следует название признака — *гнилое*. Но у отдельных диалектоносителей появляется и *трупёрхлое* (дерево) (Дновский район). В значении 'трухлявое, дряблое, загнившее' это слово отмечено В.И.Далем (IV, 434), отсюда и глагол *трупёрхлеть* 'гнить сухою гнилью', псковский глагол *трупить что* 'мельчить, крушить' (там же). Судя по М.Фасмеру, есть этимологическая связь со словом *труп* (в древнерусском языке у него было значение 'ствол дерева', в болгарском языке сохраняется такое же значение); родственно балтийским словам: литовскому *trūpūs* 'ломкий', *trūpėti* 'крошиться', латышскому *trūpēt* 'гниль, крошиться' (IV, 109).

Перепроверка некоторых вопросов позволила обновить материалы, обнаружить некоторые лексические единицы, но все-таки многие вопросы остались с описательными ответами или с общерусскими наименованиями (например, *сыроежка*, *свинушка* и др. для названия грибов).

Отрицательные ответы — тоже значимы, так как показывают, какие понятия стали для диалектоносителей неактуальны, в результате чего и нет вычленения соответствующим словом того или иного отрезка действительности.

Б.А.Ларин говорил об исключительном значении, важности народной псковской речи для историков и диалектологов рус-

ского языка, так как она "отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также и белоруссами" [Вступление]// Псковский областной словарь с историческими данными, Вып.1. Л., 1967. С.3).

В.К.Андреев
(Псков)

КАРТОТЕКИ ОБЛАСТНЫХ СЛОВАРЕЙ КАК БАЗА ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ВОЗМОЖНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ СЛОВАРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Анализ экспедиционных материалов показывает, что выявление того или иного наименования часто бывает затруднено, особенно в случаях, когда определенное понятие имеет несколько обозначений, поскольку в настоящее время слово литературного языка или слово, наиболее распространенное в данном регионе, может вытеснять из практики повседневного общения исконное наименование.

Следовательно, при подготовке к экспедиции должна быть проведена предварительная работа, направленная на то, чтобы выявить "опасные" участки исследования и подготовить собирателей диалектного материала к внимательной и вдумчивой работе в каждом конкретном случае.

Базой такой подготовительной работы, а значит и базой прогнозирования возможных результатов словарных экспедиций могут стать картотеки областных словарей.

Далее будет показано, какие сведения может дать картотека Псковского областного словаря о названиях чердачного помещения.

1. Материал исследования. По данным диалектных словарей, вопросников, известных атласов производится выборка названий чердачного помещения в русских народных говорах, полученные наименования сверяются с материалами картотеки, в результате чего определяются все обозначения чердачного помещения в псковских говорах: *верх, вышка, наизб, наизба, наизбица, подволо́к, подволок, подволо́ка, потоло́к, потолок, потоло́ка, черда́к*; кроме того, обозначением чердачного помещения в определенных ситуациях могут быть сочетания *на избé, на́ избу*.

2. География распространения наименований. Выписываются районы и населенные пункты, в которых отмечены те или иные наименования, по количеству фиксаций в каждом районе намечаются, если это возможно, примерные зоны распространения слов. Картотека Псковского областного словаря позволяет выделить 3 основные зоны: на северо-востоке от Пскова преимущественное распространение имеет слово *потолок*; на западе — *подволо́к*, на юге области — *пóтолок*. Интересно, что однокоренные слова с разным ударением и морфологическим оформлением часто функционируют в одних и тех же районах с преобладанием какого-либо из вариантов обозначений. В районах, которые расположены на стыке указанных зон (Печорский, Пушкиногорский), наблюдается чрезвычайная пестрота названий чердачного помещения.

3. Системные отношения единиц. а) Слова ПОТОЛОК, ЧЕРДАК и сочетания НА ИЗБЕ, НА ИЗБУ почти повсеместно используются параллельно с другими наименованиями. Общерусский характер этих номинативных единиц должен предостеречь собирателя от поспешных выводов о том, что является исконным местным наименованием реалии, о которой идет речь. Для обнаружения такого наименования могут потребоваться дополнительные усилия. б) Поскольку слова типа ПОТОЛОК, ПОДВОЛОК и т.п. “получили” интересующее нас значение в результате метонимического переноса (ПОТОЛОК — ‘перекрытие’ → ПОТОЛОК — ‘чердак’), необходимо выяснить, совпадают ли в данном населенном пункте названия потолка и чердака. (Случаи несовпадения по материалам картотеки отмечаются, а это может свидетельствовать о “заимствовании” обозначения чердачного помещения из соседних говоров).

4. Словообразовательные отношения. Слова НАИЗБ, НАИЗБА, НАИЗБИЦА отражены в картотеке единичными фиксациями. Необходимо поэтому особое внимание уделять тем населенным пунктам, в которых единственным обозначением чердака выступают сочетания НА ИЗБЕ, НА ИЗБУ, поскольку они могут выполнять функцию наименования только в определенных ситуациях (где? куда?). У собирателя есть возможность поставить информанта перед необходимостью непосредственно назвать предмет, о котором идет речь. И здесь не исключены случаи появления (или проявления) слов типа НАИЗБ.

Несомненно, что, имея на руках такой предварительный материал, собиратель может избежать ошибок и неточностей в своей работе, а целенаправленный поиск возможных наименований даст достоверные и убедительные факты для составителей карт.

Н.И.Андреева-Васина
(С-Петербург)

ПРИСТАВОЧНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В СЛОВАРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЛЕКСИЧЕСКОМ АТЛАСЕ

1. Максимально полное отражение в ЛА широкого круга диалектной лексики зависит от той материальной базы, на которой он строится. Уже сейчас ЛА располагает значительным количеством диалектных материалов, что позволяет начать составлять карты, в том числе и словообразовательные. Однако трудности собирания материалов, касающихся словообразования, осложняют работу. Необходимо широкое привлечение дополнительных источников информации. И в первую очередь им должен стать СРНГ.

2. Основанный на дифференциальном принципе СРНГ включает в себя огромное количество диалектных слов и их значений. Полнота представленных в этом фундаментальном труде материалов обусловлена богатством его источников.

3. Наряду с многочисленными фиксациями диалектной лексики СРНГ дает детальные семантические ее разработки, в том числе и производных глаголов. Сведения этого раздела Словаря позволят учесть все лексические и словообразовательные возможности тех или иных моделей, словообразовательных формантов. Они могут служить также свидетельством их функциональной нагрузки и продуктивности.

4. Необходимость привлечения материалов СРНГ при составлении словообразовательных карт мотивируется также наличием географической характеристики производных приставочных глаголов в Словаре, которая может служить существенным дополнением к материалам Атласа, особенно для случаев с отрицательными ответами на вопросы Программ, что очень возможно в современной языковой обстановке в деревне, когда говоры стремительно разрушаются, изоглоссы многих диалектных слов начинают размываться и вообще исчезать.

5. Ареальное изучение лексики русских говоров требует связи с временными характеристиками. Карты ЛА ориентированы на определенный синхронный срез, хронологические рамки которого весьма узки (с 60-х г.г. до наших дней). Поэтому возрастает значение данных СРНГ, которые показывают времен-

ную протяженность употребления диалектного слова, указывая год 1-ой его фиксации.

Несомненную ценность для ЛА имеет цитатный материал, представляющий собою записи подлинной диалектной речи, подобранный с целью максимального раскрытия значения диалектного слова.

Таким образом, СРНГ позволяет получить конкретные данные о семантике производного глагола, показывает территориальную его прикрепленность, включает в себя временные сведения не только о "нижней" (для XIXв.) границе употребления слова, но и о "верхней", что важно для ЛА особенно в случаях, когда слово выходит из активного употребления.

Все это позволяет считать СРНГ важнейшим источником в работе над ЛА.

С.А.Борисова
(Пермь)

О РАБОТЕ ПЕРМСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГОВ ПО ПРОГРАММЕ СОБИРАНИЯ СВЕДЕНИЙ ДЛЯ ЛАРНГ

1. В условиях Пермского региона наиболее оптимальным следует признать совмещенный экспедиционно-анкетный метод собирания материала для ЛАРНГ.

2. Как показывает наш опыт, участники экспедиции обеспечивают достаточно высокое качество собираемого материала, в случае исследования функционирования лексических микросистем и выполнения этой работы в рамках прохождения диалектологической практики, написания курсовых, дипломных и других научно-исследовательских студенческих работ, подготовки диссертаций и научных докладов по диалектологии, топонимике, этнографии. Обычно участники экспедиции работают в местах, где они родились и выросли, бывают у родственников и нередко работают учителями, библиотекарями и т.п., обучаясь заочно на филологическом факультете университета или закончив его. Параллельно — под их руководством — осуществляется заполнение местными жителями специальных вопросников и программ ЛАРНГ. Диалектологами Пермского университета составлен детальный перспективный план работы по программам ЛАРНГ.

3. Источниками материала, кроме функционирующих пермских говоров, выступают словари, отражающие пермскую лексику в прошлом и настоящем («Опыт», «Дополнение», словарь

Даля, Словарь говоров Среднего Урала, Акчимский словарь и др.); картотеки Акчимского словаря, Словаря пермских памятников XVI—нач. XIX вв. и готовящегося Чердынского словаря, словарей пермизмов в речи горожан, диалектизмов, используемых в местной художественной и публицистической литературе, а также сборники типа: «Хрестоматия говоров Пермской области», словарь пермизмов в произведениях пермских писателей, пособие «Локализмы в литературной речи горожан» и т.п.

4. Работа, выполненная в 1993 году, представлена следующими видами исследований: по полной программе ЛАРНГ (тема «Природа» 1989—1990 гг.) обследовано 8 населенных пунктов 8 районов; произведены выборки пермской лексики по названным выше словарям, картотекам и другим источникам; составлены специальные вопросники после сверки данных словарей и материалов прошлого с современными данными для последующего анкетирования; составлено 15 экспериментальных карт по бытованию слов темы «Природа».

5. Проведенная пермскими диалектологами работа показала, что Программы ЛАРНГ способствуют обогащению и совершенствованию составляемых региональных словарей различных типов и их картотек.

Л.А.Кононенко, Е.П.Осипова
(Рязань)

ИЗ ОПЫТА СОБИРАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

1. Эффективность работы по созданию «Лексического атласа русских народных говоров» в определенной мере зависит от того, насколько грамотно, квалифицированно ведется сбор материала на местах. Совершенствуя общеизвестные, общепринятые формы и приемы, используемые при сборе материала, диалектологи стремятся найти новые формы работы, необходимость которых вызвана в первую очередь осложнившимися в последние годы условиями проведения экспедиций, полевой практики.

2. Кафедра русского языка Рязанского государственного педагогического университета сочла необходимым изыскать возможности и включить в учебный план организацию и проведение просеминария, в рамках которого студенты под руководством преподавателей готовятся к написанию курсовых работ. Ес-

ли учесть, что одна из секций просеминария работает над сбором материала к ЛАРНГ (секция так и называется «Лексический атлас русских народных говоров»), а курсовые работы по диалектной тематике выполняют примерно треть студентов курса, совершенно очевидно, что занятия, включенные в расписание, дают возможность с достаточной основательностью готовить студентов к полевой практике, проводить необходимый инструктаж, консультации, уточнять данные экспедиций.

3. Заслуживают внимания и материалы, хранящиеся в архивах краеведческих музеев. Так, в Рязанском историко-архитектурном краеведческом музее-заповеднике имеется «Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края» (Рязань, 1928); особую ценность представляют материалы так называемого архива А.А.Мансурова (нач.ХХв.), содержащие богатейшие сведения об элементах духовной, материальной культуры, интересный лексический материал.

4. Представляется важным учет возрастной амплитуды информантов. Сведения, полученные при таком опросе, позволяют анализировать изменения, которые произошли в народном крестьянском костюме и диалектной лексике, отражающей эти реалии. Например, слово «*поддѣвка*» 90-летний информант объясняет так: долгополая одежда из грубого сукна, отрезная по талии, со сборами. Эти сведения подтверждают материалы этнографической литературы и картотеки областного словаря. По мнению информантов 70-ти, 75-ти лет, это слово служит наименованием теплой безрукавки, надеваемой под другую одежду для тепла, т.е. налицо изменение в значении слова.

Таким образом, перечисленные формы работы и ее организация позволяют получить дополнительные сведения и собрать качественный материал для дальнейшего его анализа в «Лексическом атласе русских народных говоров».

Т.В.Бахвалова
(Орел)

ОЦЕНКА ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ГОВОРАХ

Каждая лексико-фразеологическая группа, содержащая характеристику человека с определенной точки зрения, представлена, как правило, двумя синонимическими рядами лексических и фразеологических единиц. Доминанты таких синоними-

ческих рядов, как и другие их члены, находятся между собой в антонимических отношениях.

Компонентный состав ЛФГ в литературном языке и в говорах может существенно различаться и в количественном, и в качественном отношении. В живых говорах синонимические ряды, входящие в определенную ЛФГ, обычно длиннее за счет "подключения" к характеризующим единицам литературного языка большого количества диалектных слов и фразеологизмов с тождественной семантикой.

Показательна в этом отношении ЛФГ с лексическими и фразеологическими единицами, содержащими общую оценку внешнего облика человека.

В общенародном языке значение "красивый человек" передается прежде всего агентивами, соотносительными по образованию с прилагательным *красивый*: *красавица*, *красотка*, *раскрасавица*, *красавчик*, *раскрасавец* и др. В народных говорах, например, орловских этот ряд существительных намного больше, во-первых, за счет большего количества суффиксальных образований от прилагательного *красивый*: *красавка*, *красавочка*, *красотуля*, *красулюшка* и др., во-вторых, за счет слов, образованных от других, синонимических данному прилагательных: *дородница*, *хорошаночка*, *написанка* и др.

В литературном языке понятие о красивом человеке передается также словами, возникшими в результате переноса значения с названия мифологического божества, отличающегося красотой, на обозначение человека: *Аполлон*, *Адонис*, *купидон*, *херувим* и др.

В изучаемых нами местных говорах подобный способ образования слов, характеризующих красивого человека, не выявлен. По-видимому, это связано с тем, что мотивационный ряд "название божества → обозначение красивого человека" оказался давно сформировавшимся и закрытым.

Синонимичные приведенным лексемам фразеологические единицы, употребляемые в орловских говорах, как правило, содержат в своей структуре компонент с корнем *гляд-*: *на разгляденье*, *из-под ручки глянуть*, *глядеть хочется* — *Уж девка-ть у ниво нъ рьзглиценье: толстъя, ды лицом-ть белъя, сама статная*. — *Он был такой бльганравный в мольдъсти: брови черныи, вьласа кучирявыи, сам ростъм высокий*. — *ис-пад ручки глянуть*. — *А девкъ крьсива — глядеть хотца*. Видимо, употребление слов с корнем *гляд-* в составе приведенных фразеологизмов не случайно, т.к. оценка внешности человека создается в результате восприятия созерцаемого органами чувств, в данном случае органами зрения.

Общая отрицательная оценка внешнего облика человека, как в общенародном языке, так и в говорах, передается прежде всего словами, содержащими корень *урод-* (*урод, уродина*) и корень *страх-/страш-* (*страхолюд, страхолюдина, страшила* и др.), а также словами, где оценочное значение является переносным: *пугало, чучело*.

В исследуемых нами орловских говорах для характеристики некрасивого человека активно используются слова демонологической лексики: *аука, анчутка*. Прямое значение этих существительных связано с обозначением мифологических человекообразных существ, обитающих в лесу или воде: *аука* — «сказочное страшилище в образе волка, которым пугают детей», *анчутка* — «нечистая сила, водяной». Важным для носителей говоров является представление об отталкивающем внешнем виде упомянутых фантастических существ. Эта сема влияет на дальнейшее развитие семантической структуры данных слов: «наращивание» значений происходит за счет метафоризации по внешнему виду сопоставляемых объектов, а именно — наделение человека признаком, присущим упомянутым существам.

Вполне естественно, что и ФЕ, выражающие отрицательную оценку внешнего облика человека, содержат в своем компонентном составе слова демонологической лексики: *на черта похож, на всех чертей похожий — У маей тетки мальш никак жынитца ни можыть: на всех чиртей пахожый. — То паринь идет хароший, прямь агурчик, а другой — ну на черта пахош, глидеть страшна*. Как видим, стержневые компоненты ФЕ, оценивающих человека по общему внешнему виду, тесно связаны с лексическими единицами рассматриваемой ЛФГ.

В.Н.Гришанова
(Орел)

НАЗВАНИЯ ДОМОВОГО В ОДНОМ ИЗ ОРЛОВСКИХ ГОВОРОВ

При картографировании материала по теме «Демонология» могут возникнуть сложности, связанные с наличием в одном говоре нескольких названий одного и того же объекта номинации. Так, одним из распространенных мифических персонажей является домовый — «добрый или злой дух, живущий в доме», по определению «Словаря русского языка».

В говоре села Борилово Болховского района Орловской области для обозначения персонажа, связанного с домом, хозяй-

ством, употребляются слова *хозяин, дворовой, шут, сам, нехороший*. Все они обозначают одно и то же мифическое существо, обитающее в хозяйственных постройках, чаще всего там, где содержится скот, на чердаке, но не в жилых помещениях дома, хотя действовать он может и там.

Каждое из названий имеет в говоре определенную функциональную ограниченность и употребляется в зависимости от речевой ситуации, характера “проявления” персонажа, различной оценки говорящим последствий этого “проявления” и ряда других причин.

Нейтральным, обиходным является в говоре слово *дворовой*, хотя и оно не употребляется всеу. Его произносят, рассказывая о персонаже как о третьем лице, когда ситуация никак не оценивается. Слово *хозяин* имеет оттенок почтительности, уважительности и употребляется как обращение к персонажу или при прямой речи, обращенной к нему.

По-разному называется этот персонаж в зависимости от того, как он “проявляет”, “обнаруживает” себя. По преданиям, он оберегает дом, хозяйство, скот и может особенно полюбить какое-либо домашнее животное (например, если это лошадь, то в ее гриве находят заплетенную косичку) или, напротив, невзлюбить (тогда, несмотря на уход, оно худеет, чахнет). Персонаж при “проявлении” в хозяйственной ситуации называется словом *дворовой*. Если “действия” персонажа обнаруживаются в жилых помещениях дома по отношению к человеку, то возможны разные его наименования. Во-первых, это зависит от характера действия, во-вторых, от оценки его последствий.

В том случае, когда персонаж “обнаруживает” себя в “действии”, расцениваемом как шалость, игра, шутка, его называют *шут*. “*Ох, этъ шут патшутил, палажыла и никак ни найду*”.

С другой стороны, персонаж “обнаруживает” себя, предвещая о чем-либо. При этом предзнаменование может быть двоякого рода: персонаж может “ущипнуть”, оставив на коже синяк, или “давить” ночью спящего человека.

В первом случае его называют *шут*. “*Ой, бабы, кабы што не была, вот лань, шут шшыпнул*”. Это наименование можно рассматривать и как компонент устойчивого сочетания *шут щипнул*. Последствия знака такого рода не имели значения для названия персонажа.

Иначе обстоит дело, если персонаж, предвещая что-либо, “давит” ночью. В этом случае чаще всего употребляется неопределенно-личная конструкция: персонаж всем известен, но не называется. “*На мене нынчи навалилсы*”. При этом ситуация, как правило, не оценивается. Если же последствия такого знака

оцениваются как отрицательные, то персонаж называют шут. *“Ой, к нехарошъму... шут навалилсь”*.

В силу табу некоторые информаторы употребляют в этом случае слово *нехароший*. *“Нехароший по ночам давит”*. Если последствия предзнаменования оцениваются как положительные, то персонаж называют *свой*. *“Ды этъ свой. Этъ харашо, этъ павистил”*.

Что касается слова *домовой*, то оно употребляется только как компонент фразеологических единиц, представляющих собой бранные (но не грубые!) выражения. *“Штоп тебе дамавой узял!”* *“О, дамавой тебе вазьми-та!”*

Еще раз подчеркнем, что, по представлениям жителей села Борилово, во всех вышеназванных ситуациях действует один и тот же персонаж, который по-разному называется. При этом наличие нескольких его названий не является избыточным, т.к. обусловлено целым рядом причин и свидетельствует об отражении в речи носителей говора стремления к выражению тончайших оттенков, связанных с представлениями и понятиями о явлениях окружающего мира, и об отношении к этим явлениям.

Л.И.Меркулова
(Орел)

НАИМЕНОВАНИЯ ДУХА, ОБИТАЮЩЕГО В ДОМЕ, ВО ДВОРЕ И НАДВОРНЫХ ПОСТРОЙКАХ, В ГОВОРАХ ПОКРОВСКОГО И ЛИВЕНСКОГО РАЙОНОВ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В верованиях славянских народов издревле живет сверхъестественное существо, обитающее в доме (избе, хате). *Домовой* — добрый или злой дух, являющийся как бы хранителем дома, иногда наказывающий людей за нарушение обычаев. Среди жителей Орловщины, и в частности Покровского района, бытует поверье, согласно которому хозяева, переезжая в новый дом, обязаны пригласить домового с собой, чтобы на новом месте царили покой и благополучие. Для этого хозяйка, положив на рушник ржаной хлеб, оставляет его на ночь на подоконнике. Наутро забирает хлеб и уносит его в новый дом со словами: *“Хазяин, хазяин, пайдем са мной”*. В течение некоторого времени хлеб лежит на подоконнике в новом доме, после чего хлеб отдают голубям.

Из обращения к домовому явствует, что этот дух имеет и др. название — *хозяин* (*Дъмавовъ нъзывают у нас хазяинъм,*

еще—сам.—с.Дросково. Мне нынчи ночью хазяин душыл, прям на нъги нъвалилси, руки толстыи, лахматыи.—п.Красное Знамя).

В русском литературном языке известно слово *хозяин* в устаревшем значении “название домового, лешего у суеверных людей”. Однако это значение не является “устаревшим” в живых современных говорах. Оно сохраняется скорее как переносное значение прямых значений слова *хозяин* — “глава семьи, дома” и “тот, кто ведет хозяйство, занимается хозяйственными делами”.

Аналогично этому значение слова *сам* — “дух, обитающий в доме; домовый” развилось из значения просторечия *сам* — “хозяин, глава (дома, семьи...)”

Широко распространено в Покровском районе слово *домо-жыл* — это наименование того персонажа, домового (*Адинакъва: што дъмажыл, што дъмавой, и хазяин.— п.Красное Знамя. В хатя дъмажыл плакъл.— д.Меловое. Нъ пталке живет дъмажыл.— д.Журавец. Мне, наверна, дъмажыл шыпынул.— д.Ивановка).*

Известно, что у славян всякая нечистая сила: домовый, леший, водяной — имела наименование *шут*. В современных говорах Покровского района это значение сужается, и *шут*ом называется персонаж, обитающий только в доме; это тот же домовый, который проявляет себя определенным образом: проказничает, разыгрывает кого-либо, подшучивает над кем-либо. Часто, разыскивая внезапно запропастившуюся вещь, приговаривают: “*Шут, шут, пъшуту и аддай*”.— п.Красное Знамя.

Более активно проявляет себя *взбалóшный*, который “балуется”, “творит” что-то в доме или во дворе (*А то в доме взбалóшный живет, как ночью узбалуютца, так дъ утра и ни стихнет... надъ тада у цэркъвь зъ вадой итти.— с.Дросково).*

В говорах Ливенского района подобным образом ведет себя *шебутник* — мифологический персонаж, обитающий в доме, во дворе (*Шыбутник, бывала, набъетъ яйца, мебель, хлел па дому рьскидаить...— д.Покровка).* Название мотивировано глаголом *шебутить*, известным в орловских говорах в значениях “шуметь, оживленно разговаривая и двигаясь” и “скандалить”.

Семантическая связь с глаголом *шурмыжничать* прослеживается у наименования *шурмыга* (*Шурмыгъ и у нас в доме жыл, любил нат кем-нибудь птшутить. Ср.: Днем али ночью, если тиха, то услышыш, как шурмыжничает он, скрибет штой-та. — д.Ситенево).*

Персонаж, функционально связанный с надворными постройками, поддерживающий там надлежащий порядок, называется *волоша* (*Есть в амбаре такой валoша, сена, зирно ах-*

*раняет... иной рас ни углядиш сень или зирно пѣдгнивать начнет, так он иво пириwirнет, ано и патсохнет.— с.Дросково). В необитаемом, заброшенном доме живет персонаж, домо-вой, получивший в говорах наименование *избянник* (*Есть возли кладбища хатъ заброшѣннѣя, так иной рас мимѣ идеш, так вот аттудѣ слышыш, как вроди избянник кричит.— д.Салтыки*).*

Таким образом, для обозначения духа, мифологического персонажа, обитающего в доме, во дворе и надворных постройках, в говорах Покровского и Ливенского районов существуют различные наименования. С одной стороны, это абсолютные синонимы (*домовѣй, хозяин, доможѣл, сам*); с другой стороны, это названия, отражающие функциональную связь духа с какой-то определенной деятельностью (*волѣша*) или образом, способом проявления (*шебутнѣк, шут, взбалѣшный, шурмыга*).

В.И.Меркулова
(Орел)

НАЗВАНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ, ОБИТАЮЩИХ НА БОЛОТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА Д.ПОКРОВКА ЛИВЕНСКОГО РАЙОНА ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В лексике говора д.Покровка Ливенского района Орловской области нами обнаружен интересный диалектный материал по программе «Демонология». Мы остановимся лишь на наименованиях персонажей, обитающих на болоте.

При описании этого материала приводятся записанные нами примеры употребления диалектной лексики (по названной теме) в речи носителей говора. Все слова, приведенные здесь, записаны от одного информанта — коренной жительницы д.Покровка, 1922 года рождения. Примеры даются не в транскрипции, а в орфографической записи.

Главный персонаж, обитающий на болоте, — *болѣтнѣй*. Это добрый персонаж (дух), который зажигает огоньки на болоте, помогая людям выбраться из болотной топи. (*Зайдет кто на болото ночью, так болѣтнѣй ему огоньки и покажет, чтоб не потопли.*) В словаре В.И.Даля зафиксировано слово *болѣтянѣк* (пск.) — “род лешего или водяного, который живет в болотах, топях; он обходит и заводит путника” и *болѣтница* — “омутница, водяница, берегиня, лопаста, русалка” (См.:

В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1978. Т.1. С.111).

Другой главенствующий болотный персонаж — *требник*. Считается, что это злой, недобрый дух, который постоянно требует новые жертвы. Он заманивает людей на болото и берет их в жертву. (*А главный на болоте — то требник. Он всех людей и губит, кто к нему ни заглянет на его стребушничанье.*) Бесспорна связь данного диалектизма с народно-церковными словами, записанными В.И.Далем: *трѣба* — жертва, приношение, жертвоприношение; *трѣбник* — требище, жертвенник; *трѣбище* — жертвенник, место приношения жертв Богу (Даль В.И. Указ. соч. Т.IV. С.427). Из нашего примера видно, что слово *трѣбник* связано со значением глагола “требовать”.

Здесь необходимо пояснить значение диалектного слова *стребушничанье*. В говоре д.Покровка оно обозначает действие по глаголу *стребушничать*, т.е. звать, кричать, верещать. Вполне вероятно, что семантика данного диалектизма связана с церковным *стребляти, стрѣбити* (кого) — хоронить, погребать (В.И.Даль. Указ.соч. Т.IV. С.337).

Люди, погибшие на болоте, также имеют в говоре свои названия. Их считают уже болотными духами. Интересно, что названия эти различны, в зависимости от того, как человек жил, как проявлял себя при жизни по отношению к другим людям. *Оборотничий* — человек (дух его), погибший на болоте, служащий болотному духу (требнику), по ночам рыдает на болоте, заманивая таким образом людей. (*Оборотничий на болоте по ночам кричит, рыдает, вырваться хочет, да его требник не пускает, потому что голосом того человека и других зазывает.*). В словаре В.И.Даля записано слово *оборотень* (юж.) — человек, обращенный ведуном или ведьмой, или сам, как кудесник, перекидывающийся в волка и в других животных, иногда в куст, в камень и пр. (В.И.Даль. Там же. Т.II. С.611).

Завытник — так называется человек (дух), погибший на болоте, но отличающийся от предыдущего персонажа тем, что при жизни был злым, недобрым и якобы водился с нечистой силой. По ночам он выходит на болото, страшно завывает (отсюда — *завытник*), кричит, как бы завывая к себе людей. (*Завытник, как дитя, кликает тебя да на смерть верную зовет. Ему — то и в болоте хорошо, так как и при жизни, что в болоте, жил да с нечистыми все водился.*).

Записаны названия других персонажей, которые не живут непосредственно на болоте, но имеют к болотам и болотистым местам прямое отношение. *Оберѣжный* — добрый дух, выводящий человека на опушку, оберегающий его и уводящий от болотистых мест. (*Обережный поможет да выведет, сам на*

опушку приведет, только “спасибо” ему скажи, а то в другой раз и не то что помочь не станет, а и замучает до смерти.). Ясно, что название этого персонажа связано с семантикой глагола “оберегать”.

Мошáнник — персонаж, наводящий на болотистые, мшистые места, где растут грибы. (*Уменье надо иметь с мошанником водиться: кто его задобрит, тот ему все грибные места на мху и покажет.*). У В.И.Даля мы находим названия грибов, связанных с мхом: *мохови́к, моховни́к* (нвг.) и *мшорна́к* (пск.) (В.И.Даль. Там же. Т. II. С.353). В исследуемом нами говоре подобных названий грибов не выявлено. Это позволяет нам сделать вывод, что семантика слова *мошáнник* связана прежде всего с литературным словом “мох”, а также с диалектными (записанными в той же д.Покровка) *мши́на, моши́на, мхо́вина* — покрытое, заросшее мхом болото. (Ср.: *моши́на* — *мошáнник*).

М.В.Костромичева
(Орел)

НАИМЕНОВАНИЕ ЭТАПОВ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Свадебный обряд можно разделить условно на три периода. Самым продолжительным и насыщенным различными элементами был период подготовки к свадьбе. В этот период родные невесты договаривались о приданом, о степени участия в подготовке свадебного пира, невеста прощалась с девичеством, шла с подругами приданое и подарки родственникам жениха. Предсвадебный период мог быть различным по продолжительности, но начинался всегда со сватовства.

В орловских говорах этот элемент свадебного обряда, кроме общелитературных наименований *сватовство* и *сватанье*, мог называться также *просватанье, засватки*. Сам процесс сватовства мог выражаться глаголами *засватать, просватать, высватать* или устойчивым выражением *сделать уговор*.

Следующим этапом предсвадебного периода были *смотрины*, на которых родители жениха, а часто и сам жених “знакомились” с невестой, т.е. рассматривали невесту, ее рукоделие, хозяйство невесты. В говорах *смотрины* могут называться *глядины, поглядки, погляд*.

Окончательное соглашение между родителями жениха и невесты, во время которого обсуждались различные хозяйственные вопросы, называлось *сговор*. Это особый этап свадебного

обряда в отличие от литературного, где *сговор* то же, что и *свадьба*. В орловских говорах сговор мог называться *рукобитье, пропой, запой, лад, договор, порученье*.

Этап свадебного обряда, во время которого родственники невесты осматривали хозяйство жениха, назывался по разному: *домоглядь, двороглядье, подворье, околышки*. Последнее наименование произошло от устойчивого выражения с тем же значением *колышки считать (колышки глядеть, ходить по колышкам)*. Этот же этап свадебного обряда обозначался устойчивыми выражениями *глядеть двора — смотреть двора, мерить рубаху — мерить загнетку*.

Незадолго до свадьбы в доме невесты устраивался *девичник*. Кроме общелитературного наименования в орловских говорах существуют и диалектные: *сидины (сидены), плаканье (плаканы), подвенеха (подвенеха), посиделка, вечерина (вечерины), прощанье*.

Весь период подготовки к свадебному обряду мог называться *великая неделя* (независимо от времени продолжительности этого периода).

День, в который проходила непосредственно свадьба, тоже включал в себя несколько этапов. Это *уводины*, когда невесту забирали из родительского дома, *малый обед (первый обед)* — угощение, на котором не присутствуют родные и гости со стороны невесты, собственно свадьба, которая в говорах могла называться *обед, княжной обед, княжник, веселье, вечер, гулюшки, гулянье, игра*.

В конце свадебного пира молодые обходили гостей и получали подарки. Этот элемент обряда назывался *целованье, ходить с винной чарой, класть на кашу*.

Последний период свадебного обряда — *послесвадебный*. Праздничный пир на второй день свадьбы мог называться (также как и в первый день) *княжой обед, княжник, большой обед*.

Если гулянье проходило в доме невесты, то оно носило наименование *отводы (отвод, отводье, отводня)*.

В орловских говорах встречается слово *складчина* — это угощение, которое невеста сама готовит для родственников на третий день свадьбы.

В любое время после свадьбы родственники невесты должны были пригласить к себе молодых и устроить застолье. Такой обычай назывался *отгулять молодых*. Если молодые приглашались через неделю после свадьбы, то этот этап назывался *идти об недельке*.

Годовщину свадьбы отмечали в доме молодых супругов, когда родственники невесты приходили со своим угощением. Этот элемент свадебного обряда назывался *идти с кошелками*.

В орловских говорах свадебный обряд отличается не только разнообразием его элементов, но и разнообразием наименований этих элементов, как литературных, так и диалектных.

Л.И.Ларина
(Курск)

ЛЕКСИКА МАТЕРИАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА КУРСКОГО РЕГИОНА

Свадебный обряд складывается из различных компонентов. В структуре обряда соединяются символы, имеющие глубинное значение, но самое разное материальное воплощение: слово, вещь, действие, жест и т.д. (Н.И.Толстой. 1983. С.189).

Значительна роль обрядовых атрибутов в системе свадебной обрядности. К материальным компонентам относятся: приданое невесты, ритуальные выкупы, обрядовая пища, одежда и атрибутика свадебных чинов, разнообразные предметы специального обрядового назначения. Мы рассмотрим только лексику некоторых предметов ритуального свойства, активно употребляемых в свадебном обряде Курщины. Такие предметы выступают прежде всего в качестве сакральных атрибутов, символические функции которых превалируют над прямым утилитарным назначением.

Предметы домашнего обихода, утварь, тканые вещи манифестируются в свадебном обряде Курского региона общеупотребительными и диалектными лексемами: *дежа́*, *вёко*, *полоте́нце* (*рушник*), *плато́к* (*арша́вка*), *шаль*, *кисея́*, *подно́жки* (*подно́жье*), *дерю́га*, *холсти́на*, *сва́дебное зна́мя* (*флаг*), *значки́*, *куша́к*, *кнут* (*плеть*), *са́бля*, *свеча́*, *прóтерть*, *ска́лка* (*ката́лка*), *рогачи́* (*ухва́т*, *ямки*), *вёник*, *нож*, *ло́жки*, *хому́т*, *ко́черга́*, *помело́*.

Обрядовыми символами прочного семейного союза, счастливой совместной жизни молодой четы выступают в обряде Курского региона следующие реалии: *подно́жки* (*подно́жье*), *холсти́на*, *дерю́га*, *рушник*, *плато́к* (*арша́вка*), *пара* перевязанных красной лентой *ло́жек*. Из перечисленных лексем только термин *подно́жки* (*подно́жье*) маркирован: плат, подстилаемый под ноги венчаемых (Даль В.И., 1982. Т.3. С.190), остальные единицы приобретают обрядовую семантику, функционируя в свадебном обряде.

Дежа́ — квашня, посуда для этого (Даль В.И. 1982, Т.1. С.509) и *вёко* — крышка на квашне (Даль В.И., 1982. Т.4.

С.101) употребляются в свадебных ритуалах многих районов Курщины.

Они символизируют собой священные предметы, близко стоящие к солнцу, как и свадебный каравай (Сумцов Н.Ф., 1981. С.145—147), потому не случайно дежу трижды поднимают жених и невеста, мать жениха встречает молодых с веком, желая молодым счастливой и богатой семейной жизни.

Довольно разнообразна символическая палитра тканых изделий, применяемых в обряде в магических целях: это обеспечение положительных начал — богатства, счастья, прочного союза, это средства знакового характера, выделяющие свадебных персонажей, отражающие удачный финал обрядового действия. *Полотёнце (рушник)* и *платок (аршавка)* — наиболее распространенные свадебные атрибуты, употребляющиеся в обряде Курщины повсеместно, одновременно в нескольких ипостасях: в качестве свадебных даров, в составе приданого невесты, в качестве убора в хату жениха, как предмет магического свойства, как знак обрядового полномочия.

Полифункциональны и полисимволичны все реалии, используемые в обряде. *Плеть (кнут)* — обязательный знаковый атрибут дружки жениха, обладает также апотропейными (охранительными) свойствами.

Многозначна символика сабли в обряде. Этот предмет в соответствии с денотативным значением “ручное холодное оружие” выступает в обряде в роли ритуального оружия. Кроме того, сабля символизирует в обряде Суджанского района Курской области обрядовый персонаж в свите жениха. Такая персонификация реалии, видимо, свидетельствует о древнем тотемизме сабли.

В курском обряде, кроме сабли, предметами-оберегами являются нож, протертъ — игла без ушка, а также *рогач (ухват, амкѝ)*, *кочерга, чѝпля, скалка (катѝлка)*.

Итак, обрядовые предметы органично дополняют, конкретизируют, раскрывают смысл определенного текста, ритуального действия, несут символические заряды, обусловленные функциональной заданностью, формой предмета, соотносительностью с мифологическими представлениями реалии.

Термины обрядовой атрибутики отличаются от производных лексических единиц коннотативной семантикой и символикой, связанных с обрядовой заданностью предметов олицетворять конкретные положительные ценности, качества, оберегать от порчи, наговора, злых сил. Характерной особенностью всех ритуальных предметов является отсутствие специальных обрядовых терминов, называющих эти реалии. Свадебные лексемы созданы на базе общеупотребительной и диалектной лексики.

В.Ф.Филатова
(Борисоглебск)

О СООТНОШЕНИИ ВЕРБАЛЬНОГО ОБРЯДОВОГО ЗНАКА И РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ

Обрядовая лексика неоднородна с функциональной стороны, поскольку употребляется в различных речевых ситуациях и обладает разными функциями. С этой точки зрения возможно выделение собственно номинативной, поэтической и магической обрядовой лексики. Основные функции собственно номинативной обрядовой лексики — коммуникативная и когнитивная. Первая включает номинативную функцию, функцию названия, вторая — функцию хранения и передачи национально-культурного опыта. Собственно-номинативная обрядовая лексика "именует" обряд и его компоненты, в какой-то степени интерпретирует их, функционируя как в обрядовых, так и в необрядовых ситуациях (В.А.Гура, 1978, 6—7). В обряде это, как правило, ситуации передачи обрядового опыта, типа: "поклонись жениху". Внеобрядовые ситуации предполагают описание обряда, интерпретацию его. Несомненно, обе названные функции свойственны любому обрядовому слову, однако для собственно номинативной обрядовой лексики они являются основными, доминирующими, определяющими специфику данной группы лексики.

Поэтическая обрядовая лексика функционирует в поэтических обрядовых текстах различного жанра, ее основная функция эстетическая, поэтическая. Так, в ситуации описания свадебного обряда "расплетать косу" используется собственно номинативная обрядовая лексика — "невеста", "жених", "расплетать косу", в песне «Веночек», сопровождающей обряд, представлена поэтическая лексика, именующая те же реалии, что и собственно номинативная — "Настенька", "бедная", "сударь Иван", "погубитель мой", "разоритель мой", "потеряй красу", "моя русая". Поэтическая обрядовая лексика метафорична по характеру, служит для оценки событий и вещей, для выражения чувств, связанных с ситуацией, для создания поэтического образа: "погубитель", "потеряй-краса" в действительности может быть долгожданным и желанным, поэтическая же лексика передает эмоциональный опыт, традиционный для выходящего замуж крестьянской девушки. Поэтическая функция в назван-

ной группе обрядовой лексики является доминирующей, основной, подчиняющей номинативную, когнитивную и др.

Обрядовая магическая, заклинательная, лексика сопровождает различного рода обрядовые действия, функционируя в молитвах, заговорах и других словесных формулах. Основная функция магической лексики волюнтаривная, магическая. Назначение магической обрядовой лексики — “передать словом свою волю, свое желание отдельным лицам и большому коллективу людей молниеносно — быстро и категорически” (Д.К.Зеленин, 1935, 516), поскольку данной лексике присуща высокая “степень заряженности... энергиями” (П.А.Флоренский. 1990, 270). Кроме того, магическому обрядовому слову свойственна медиативная функция, функция соединения адресанта-адресата. Магическое слово служит в качестве медиатора человека и Бога (Богородицы, святых) в христианских молитвах, человека и стихийных природных сил в языческих заговорах (о магии слова см. А.Ф.Лосев. Контекст. 1990. 6—24).

Изложенное показывает зависимость вербального знака от речевой ситуации, компонентами которой являются цели словесного действия и определяемые целями функции слова и структура текста, из которого извлекается знак-слово. Обрядовое слово, предназначенное для номинации, хранения и передачи опыта исполнения и использования обрядовой составляющей национальной культуры, реализуется в композиционных формах вербального описания обряда, из которого выделяется словесный знак — слово-термин. Если цель адресанта — выразить отношения, чувства, оценки по поводу того или иного обрядового события, то функция словесного знака поэтическая, реализующаяся в вербальных поэтических композиционных формах (песни, причитания и т.п.) и порождающая особый вербальный знак — слово-образ. Для реализации волюнтаривных намерений требуется качественно отличный знак с доминирующей магической, медиативной функцией, которая порождает композиционные формы, предназначенные для передачи волевого импульса, потока энергии: вокативные восклицания, императивные формулы (“Господи! Помилуй!” “Горько!”), молчание как высоко заряженный знак с нулевой формой, молитвы, заговоры, из которых выделяется минимальный обрядовый знак — слово-энергема (Об отличии поэтической символики см. Н.И.Толстой. — Труды по знаковым системам, 15, 1982, 69).

Все три специфически обрядовые модуса вербального знака могут функционировать в рамках одной знаковой ситуации — обрядовой, но в указанных пределах возможно изменение ее важнейшего компонента — цели, что приводит к модификации

функции, дискурса (текста) и модуса вербального обрядового знака, как это демонстрирует таблица.

Ситуация	Цель	Функция	Дискурс (текст)	Знак	Лексиколог. термин
В н е о б р я д о в а я	Номинация, выражение опыта обрядовой жизни социума, мыслей и понятий, связанных с этим.	Номинативная, национально-культурная.	Описание обряда.	Слово-термин.	Обрядовая собственно номинативная лексика.
О б р я д о в а я	Выражение опыта чувств, отношений, оценок социума.	Поэтическая.	Песни, причитания и т.п.	Слово-образ.	Обрядовая поэтическая лексика.
	Выражение воли, медиация.	Магическая, медиативная.	Вокативы, императивные формулы, молчание, молитвы, заговоры.	Слово-энергема	Обрядовая магическая лексика.

Т.В.Евдокимова, Л.Ю.Евтихиева
(Тамбов)

ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБРЯДОВОЙ ОДЕЖДЫ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Суть обрядового терминослова становится очевидной на фоне целостной языковой картины мира, представленной тезаурусом некоторого этноса, в данном случае русского. Отдельные участки тезауруса концентрируются вокруг *общего* для ряда терминов *контекста*. Следовательно, можно предположить, что этнокультурные контексты представляют собой полезный прин-

цип изучения и собирания языкового материала по духовной и материальной культуре народа. В истинности такого заключения нас убедил опыт сравнительного изучения лексики одежды свадебных и похоронных обрядов, распространенных на территории Тамбовского края.

Сам факт приготовления специальной ритуальной одежды на территории Тамбовского края достаточно древен, о чем свидетельствуют археологические раскопки, датирующие курганные захоронения мордвы первым веком нашей эры. По материалам погребений XIV в. известно, что мордовских женщин хоронили в холщевых (шерстяных) рубахах с небольшим разрезом спереди, низким воротом и длинными рукавами. Подобные рубахи вышивались красными шерстяными нитями. Погребальная одежда мужчины XIV в. состоит из рубахи и кафтана. Рукава и ворот рубах расшивали оловянным бисером. Такого рода женские и мужские рубахи по этнографическим данным представляют традиционный тип мордовской одежды.

Женскую рубаху с длинными рукавами знает и свадебный обряд. Так, Г.С.Маслова описывает "рубаху-убивательницу с длинными рукавами—"плакальниками", которая использовалась в д.Незнамовка Тамбовского уезда, Тамбовской губернии в обряде расставания невесты с родом-племенем (С.215;). Покрывание рук в данном случае трактуется как оберег (С.31—40;). Традицию покрывания рук мы найдем не только у русских, но и у других славянских народов: белая рубашка у невесты у болгар имеет длинные рукава, украшенные черной вышивкой (Дмитрова); у лужицких сербов невеста надевает темную куртку с длинными рукавами. Вышивка на рукаве и вороте имеет защитное, ритуальное значение, она же отличает праздничную одежду от будничной. Обычай готовить специальную одежду к свадьбе и похоронам сопровождается многочисленными ритуалами и репродуцируется в особых терминах. Существуют группы общих названий комплекса погребальной и свадебной одежды.

Например, "саван", "смертная одежда", "смертный узел", "смертельный узел", "похоронная одежда", "смертное". Во втором ряду свадебные термины: "узел", "гусек", "доброе", "вылаженное", Термины "кручинный костюм", "печальный костюм" относятся и к траурной одежде в похоронном обряде и к свадебной одежде невесты. Таких терминов как "скрута", "укруты", "покруты", в похоронном обряде не обнаружено. Общность терминов в данном случае, на наш взгляд, мотивируется идеей пути, движения. "Скрутиться"— значит собраться в дорогу; и погребение, и свадьба связаны с перемещением в пространстве и во времени. Элегичность первого этапа свадебного обряда (расста-

вание с девичеством) соответствует терминам: “печальный костюм”, “печальный запан”. Последний термин связан с любопытной традицией: запан, представляющий собой кусок само-тканого белого холста с отшивом и кружевом типа “решет” надевает невеста в ритуале плаканья, такой же запан надевают на покойницу. В отшиве печального запана используется геометрический орнамент, основу которого составляет ромб, выполненный черными и белыми нитками. Использование печального запана в обрядах мотивируется не только общностью настроения участников событий, но, прежде всего, родством двух этих обрядов. В печальную одежду входит, так называемая, “горемычная понева”, т.е. юбка с белой холщовой прошвой (Маслова). Понька, понява, поня, понева — так называют эту юбку. Надеть ее — значит стать невестой. С такой трактовкой согласны Зеленин, Куфтин, Лебедева, Гринкова, Маслова и др. Горемычная понева провожает невесту из отеческого рода в род мужа, а покойницу — из одного мира в другой.

В “смертном узелке” хранятся утиры, называемые “обмахалками”, эти утирки раздаются участникам похорон; в “свадебном узелке” хранятся “дары” — это те же полотенца, утиры, которые приготовила невеста в подарок гостям свадьбы, “свадебным”. И в том, и в другом узелке хранятся платки, но специальный обрядовый платок на похоронах называется “белокладка”, он представляет собой ситцевый белый плат; в свадебном обряде используется “малинок”, шелковый, красный плат. В этом случае мы наблюдаем резкую противопоставленность двух родственных обрядов.

Как в похоронном, так и в свадебном обряде значительную роль выполняют ритуалы с обувью. В качестве обрядовой обуви используются лапти. На территории Тамбовского края бытует два типа лаптей: 1) лапти мордовского типа; 2) лапти московского типа (Зеленин). Плетеная обувь обозначается еще терминами: “поршни”, “чуни”, “чухни”, “тюньки”. В брачных ритуалах лапоть упоминается несколько раз: 1) ритуал ухаживанья: если девушка принимает лапти от парня — значит она дает согласие на сватовство; 2) в жениха с печи бросают лаптем в спину, чтобы сватовство прошло легко, удачно; 3) в обряде “хождения за мылом” позыватые (подруги невесты) просят у жениха “котки-лапотки и мыльца брусочек”; 4) в банном обряде невеста причитает:

Милые мои коленочки,
 Не будет вам переменочки.
 Милые мои лодышечки,
 Не будет вам отдышечки.
 Достался лапоть —
 Весь век не слопать (Маслова)

5) кроме того, обувь имеет значение не только соединительное, но и разъединительное. Если жена бросает в мужа своей туфлей — это знак развода (Маслова); б) мотив обуви используется в обряде “забувания золотого”. Обряд “забувания” запечатлен на картине А.Е.Карнеева «Сборы к венцу» (1858г.): брат кладет в обувь невесты “золотой” и обувает сестру. Потом, во время “посада”, этот золотой проверяет жених.

Обрядовое значение имеет лапоть и в похоронном обряде, где подобная обувь плетется в один след, “на смерть”, “в легкий путь”. Объяснить использование лаптя в свадебном и похоронном обряде можно с помощью расширения контекста. Так известно, что в Пичаевском районе, где все перечисленные ритуалы с обувью лучше всего помнятся, снизу “осметков” (поношенных лаптей) называют “санками домового”, т.е. “хозяйина дома”. Такая снизу охраняет от порчи, дурного глаза и пр. Очевидно, использование лаптей в обрядах есть память о домашнем духе: “косматке”, “дедушке”. Известно, что лапти обували на онучи, переплетенные оборами. Любопытно отметить, что мещера, населявшая некогда северо-восток области, знала черные онучи, которые были видны из-под распашной поневы, концы которой подтыкались (Зеленин).

Умершему человеку обертывали онучи не на правую сторону, как при жизни, а на левую. Оборы переплетались не сзади, а спереди, т.е. действие совершалось наоборот. В свадебном обряде такой способ действия определяется как совершение чего-либо “навынтор”, наоборот. “Навынтор” заплетали косу невесте, т.е. плели косу под руку. Совпадение манеры совершения действия в двух обрядах объясняется глубинной связью семантики похорон и свадьбы. В этом случае мы сталкиваемся с феноменом проявления общеславянских культурных оппозиций: правый/левый, живой/мертвый, жизнь/ смерть, мужской/женский и пр.

Мотив “рода”, культ “домашнего бога”, “бога семьи” объединяют обряды с лаптем и другими видами обуви с ритуалами и поверьями, связанными с орудиями труда, с помощью которых плетут лапти. “Не в кольцо, а в свайку”, — говорят о наследстве, переданному зятю, а не сыну. Свайка в данном случае символизирует зятя, сам же термин “свайка” (в других селах области — “кочетык”) обозначает палочку для плетения лаптя. Известно, что все круглые предметы ассоциируются с женским началом, а продолговатые — с мужским. Таким образом, приведенная поговорка демонстрирует фаллическую символику.

Как видим, смысл отдельного обряда, обрядового термина осознается с помощью привлечения широкого этнокультурного

контекста. Знание самой вещи позволяет организовать содержательную беседу с информатором; а сопоставление частей разных обрядов, бытующих как у одного и того же, так и у разных народов, полезно в плане типологического исследования языка и культуры.

З.А.Петрова
(С-Петербург)

НАРОДНАЯ ОДЕЖДА В ТВЕРСКОМ КРАЕ. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Из материалов диалектологической экспедиции СПб ГУ в Осташковский и Пеновский р-ны Тверской обл. по теме ЛАРНГ «Одежда...» следует, что лучше всего сохранилась конкретная лексика, обозначающая старинную верхнюю мужскую и женскую одежду, обувь, платки, рукавицы. И, напротив, практически отсутствуют наименования женских украшений и женской обуви. Не сохранилось также диалектных вариантов глагольных и наречных морфологических форм к литературным (одеться, раздеться одевшись, раздевшись и т.п.).

Нейтральным общим наименованием одежды в тверских говорах можно считать синонимичные слова *одеванье, одёжина*. Нарядную женскую одежду, особенно в качестве приданого, до сих пор называют *справа, приправа, наряда*, а поношенную, старую — *трунки, труньё*. В том же собирательном значении словом *трунки* называют старую сношенную обувь (частичный синоним — *отёлки*). В форме ед.ч.ж.р. слово *трунка* употребляется переносно как образная характеристика плохо одетой женщины.

В материалах экспедиции содержится дифференцированное описание общего вида, назначения, покроя и отделки мужской верхней одежды: *армяк, зипун, балахон, шугай, кафтан, расшитая бекеша, чуйка, овчинник*.

На фоне распространенных на севере наименований женской верхней одежды: *пальтушка, плюшка, сак, сачок* — экзотично слово *дейжа, дейжечка (шубейка)*.

До недавнего времени слово *сарафан* в тверских говорах имело два значения: 1) широкая юбка (обл.) и 2) сарафан (общерус.). «Сарафаны — это юбки у нас», «Если сшито широко, то бабы скажут сарафан, в если узко — юбка». На широкий сарафан шло до 10 метров ткани, он шился чаще всего из трех полотнищ и украшался *бухмарочками (оборочками)* и узкими

лентами в три ряда по подолу. Чтобы сарафан стоял “шипирем” и был “кудрявый”, под него поддевали теплый бумазейный или коленкоровый *подъюбочник*. Для тепла для зимних работ в лесу поддевали ватную юбку. К нарядному сарафану полагалась шелковая или атласная *бáска* — кофта с пышными рукавами у плеча, *пышками*. Поверх надевался *корса́ж* на подкладке и с перехватом в талии. В будни вместо *бáски* носили *казáк* — ситцевую кофту. В послевоенное время старинная нарядная женская одежда была вытеснена платьем.

Традиционный сарафан с лямками называется также, независимо от покроя, *та́тьянка*. Сарафан подпоясывался узорчатым поясом, который ткали на *козюльке*. Такие же пояса, но с кистями, *болва́нами*, ткали для мужских рубах. Во время пожара, чтобы вывести скот со двора, пояс кидали через порог. В материалах экспедиции содержится 4 диалектных синонима к слову “пояс”.

Разнообразны названия головных платков и шарфов. Платки различаются не только по 3-х или 4-х-угольной форме, но и по материалу (шерстяной платок — *катéтка*, а из ткани — платок), по плотности вязки (плотный зимний платок — *пухо́вка*, менее плотный — *сéтка*), по наличию узора (*катéтка* — с цветами или в клетку), по величине (большой платок — *шаль*), по оформлению краев (шаль с мысами — *шали́на*). Длинные кружевные шарфы, коричневые или черные, носят название *фальшо́нки*, более светлые — *кремо́вка*, *ды́мка*.

Зафиксировано 8 наименований для разных типов рукавиц. Из малоупотребительных отметим архаическое слово *обшй́вка* — рукавица, надеваемая поверх другой.

Местные жители — ошати когда-то сами выделяли кожу и шили обувь: для мужчин — яловые или *хромовские* сапоги со скрипом, для женщин — полусапожки на шнуровке. К более далеким временам относятся *пóршни* из кожи и сапоги из цельного куска кожи — *крю́ки* и *полукрю́ки*. Диалектная лексика частично включает в свой состав и профессиональную, из речи сапожников: *осою́зка* — заплатка на носке сапога, *осою́зить* — поставить заплатку.

Лапти известны в Пеновском и Осташковском р-нах в связи с новгородско-псковским соседством, однако самобытность региона обнаруживается в разнообразных видах обуви из пеньки и шерсти. В соответствующую лексико-тематическую подгруппу входит 4 наименования.

В докладе по материалам научных экспедиций СПбГУ будет дан обзор других аналогичных групп лексики по теме «Одежда, обувь, головные уборы, рукавицы, украшения» и сделаны основные выводы.

В.Г.Долгушев
(Киров)

МНОГООБРАЗИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЙ "ОДЕЖДА", "НАРЯЖАТЬСЯ", "ВАЛЯНЫЕ САПОГИ" В ВЯТСКИХ ГОВОРАХ

Лексика, обозначающая названия одежды, обуви, различные украшения богато представлена в вятских говорах. Она характеризуется словообразовательной и фонематической вариативностью, разнообразием лексических и словообразовательных средств для выражения одного и того же понятия, что говорит о лексическом богатстве диалектов, их неисчерпаемых возможностях в плане выражения для обозначения самых тонких семантических оттенков. В этом отношении они выгодно отличаются от литературного языка. Проиллюстрируем указанные выше положения на нескольких примерах из вятских говоров, относящихся к севернорусским говорам.

Общее название одежды может быть выражено в вятских говорах: 1) собирательными существительными с тем же корнем, что и в литературном языке: *оде́жа, снаря́д, обря́д, ношо́б, скидо́ха*; 2) собирательными существительными с собственно диалектными корнями: *ло́поть* (вар. *ло́бодь*), *хо́луй*; 3) собирательными существительными с диалектными словообразовательными моделями: *одева́ние, лопоти́на, лимина́*; 4) факультативно-контекстуальными собирательными существительными местоименного типа: *ношо́бное*; 5) собирательными существительными с диалектным суффиксом *-j-e/-j-o*: *ре́нье, охломо́тье*; 6) плуративами: *снаря́дки, ошмо́тки, шмо́тки* (вар. *шму́тки*), *пои́тки*; 7) эмоционально-экспрессивными субстантивами: *хлам, барахло́*.

Значение 'нарядиться' может быть выражено в вятских говорах различными диалектными словообразовательными моделями. В основном используется префиксально-суффиксальный способ образования глаголов, причем используются самые различные префиксы. Можно выделить следующие словообразовательные модели: 1) глаголы, образованные при помощи префикса *на-* + суффикс *-и-*: *нафуфы́рится, начефре́нится, нафранти́ться, начи́бриться*; 2) глаголы, образованные при помощи префикса *при-* и суффикса *-и-*: *прифасо́нится, причапу́рится* (ср. лит. *принарядиться*); 3) глаголы, образованные

при помощи префикса вы- и суффикса -и-: *выщепериться, выскалиться, вытулиться, вычечниться, выплясть, вымаслиться, выпендриться*; 4) глаголы, образованные при помощи префикса рас- и суффикса -и-: *расфуфыриться, расфуфрыниться*; 5) глаголы, образованные при помощи префикса под- и суффикса -и-: *подчибуриться*; 6) глагол, образованный при помощи префикса вы- и суффикса -ива-: *выкозуливать*. Особенно разнообразны в данной группе говоров диалектные словообразовательные модели, образованные от диалектного корня "бас" со значением 'красота', ср.: *набаситься, убаситься, разбаситься*. Употребительны в вятских говорах также глаголы со значением 'наряжаться', образованные префиксально-суффиксальным способом с использованием суффикса -а-: *налажаться, убираться, снаряжаться, сряжаться*.

Поскольку Вятский край относится к Русскому Северу, здесь очень разнообразны названия зимних валяных сапог. Наиболее многочисленны лексемы, которые условно можно классифицировать на 2 группы: А) с корнем "кат": *кátанки* (вар. *кátаньки*), *кátаники* (вар. *катаникí*), *кátаницы*, *самокátки*; Б) с корнем "вал": *вáлеги*, *вáльни*, *вáленики*, *вáлежки*, *вáлениги*. Широко употребительны также лексемы *пимы́*, *упáки* (вар. *у́паки*, *упакí*, *упани*), *то́панцы*, семантический диалектизм *сапоги́* (вар. *сабоги́*), который может употребляться также в составе словосочетаний *вáленьи сапоги́* или *тёплые сапоги́*. В единичном случае зафиксирован диалектизм *у́леги* с тем же значением. Имеют хождение в говорах также лексемы, обозначающие разновидности валенок: валенки с короткими голенищами (до щиколоток) называются *чу́ни*, *чушнí*; мягкие, тонкие валенки, которые носятся весной и осенью с калошами — *чёсанки*; очень короткие (до икр) валенки с загнутыми внутрь краями называются *голо́ши*. Таким образом, возможность варьирования языковых средств для обозначения того или иного понятия в говорах выступает более рельефно и практически ничем не ограничена.

Л.О.Занозина
(Курск)

НАИМЕНОВАНИЯ СВЯТОЧНО-НОВОГОДНИХ ОБРЯДОВЫХ ЯСТВ (НА КУРСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Обрядовой пище издавна приписывалась целительная, апотропеическая сила, сила плодородия и любви.

Весь святочный период на Куршине отмечался богатым разнообразием блюд. Так, в сочельник перед Рождеством обрядовых яств могло быть семь, девять, двенадцать и более наименований.

Накануне Рождества готовился постный ужин и именовался он *постная, бедная, голодная кутья*, а в канун Нового года приготавливалось обильное угощение с обязательным присутствием мясных блюд; назывался такой ужин *щёдрая, богатая кутья* или *щёдрая, богатая вечеря*.

В крещенский ужин еда также была постной, поэтому ужин накануне крещенья соответственно носил названия *голодная, постная кутья*. Ритуальное блюдо кутья приготавливалось из риса или другой крупы с добавлением меда, изюма или мяса.

На Курской территории лексема *кутья* в значении 'обрядовая пища' фиксируется почти повсеместно. Так, в селе Ржава Б.Солдатского района готовили две кутьи: первая именовалась *кутья до звезды*, вторая — *кутья до воды*. Мотивация данных обозначений прозрачна: "кутью до звезды" не ели до появления на небе первой звезды накануне Рождества, а вторую съедали рано утром перед употреблением всеми членами семьи воды из овященной проруби.

В Фатежском районе на рождественскую кутью (в значении 'ужин') крестная мать приглашала своих крестников отведать праздничных яств, а на новогоднюю кутью звали соседей.

В ряде курских сел с кутьей были связаны различные девичьи гадания (например, краденую из дома кутью незамужние девушки бросали собаке: чью кутью собака съест первой, та девушка первой и выйдет замуж).

Остатки обрядовой кутьи обычно отдавали курам или скоту для увеличения приплода.

Почти повсеместно курскими крестьянами "отведать кутьи" приглашались мороз, дед или волк. При этом говорили, желая задобрить: "Мороз, мороз, заходи к нам кутью есть, не морозь ни ягнят, ни телят, ни малых ребят."

Женщина, изготавливающая кутью, могла именоваться *кутёйница*; место в избе, где ставили кутью, называлось *покуть*, а *кутёйником* обозначалось место в церкви, куда помещали кутью.

По мнению А.А.Потебни, символика варения обрядовой кутьи в те или иные календарные даты достаточно прозрачна — увеличение плодородия скота и урожая хлеба.

Наряду с кутьей в рождественскую, крещенскую и новогоднюю трапезы традиционным обрядовым блюдом являлась свинина во всех видах: *солонина, свежинá, свóйская колбасá, хо-*

лодѣц, судѣц, кушаніна (студень из свиных голов), *свиніе ксáлки* с гречневой кашей, *рождѣственскій борщ* со свиной (так как он не должен был заканчиваться до самого крещенья, то всякий раз борщ оставляли к следующему дню: доливали водой, клали свежие продукты и вновь варили, полагая, что весь год потом будет “такой же сытый и жирный, как эти две недели” (Обоянский район).

В.Н.Мартыанова
(Глазов)

О НАЗВАНИЯХ ЖИВОТНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ УДМУРТИИ

1. Цель данного сообщения — выделить в местной лексике из семантической группы «Животный мир» слова, принадлежащие русскому литературному языку, и показать разнообразие диалектной лексики в русских говорах на территории Удмуртии.

2. Исследование проведено на основании отчетов диалектологических экспедиций 1990 — 1992 гг. по сбору материалов для ЛАРНГ по программе «Лексика природы». Обследованы все 25 районов Удмуртии.

3. Значительная часть местной диалектной лексики по семантике «Животный мир» совпадает с лексикой русского литературного языка: волк, волчонок, волчий (хвост, след), лось, лосиха, лосенок, кабан, крот, берлога, заяц, зайчонок, кролик, галка, ворона, грач, дятел, синица, кукушка, утка.

Есть ответы на вопросы программы, в которых представлены только слова литературного языка.

Иногда на фоне литературной лексики возможны одно-два диалектных слова: *толкунцы* (рой мошек), *метелек* (ночная бабочка), *паут, павут* (овод), *мизгирь* (паук), *тенето, тенеты* (паутина), *лягуша, лягуха* (лягушка), *сыч* (сова), *малим* (налим), но с примечанием: “Раньше старые малим говорили”. Слова, обозначающие действия птиц и насекомых, также, в основном, являются словами литературного языка: воробьи *чирикают*, вороны *каркают*, кукушки *кукуют*, утки *крякают*, крот *портит* посевы (в Кезском районе крота называют “землеройкой”), медведь *ревет*, волк *воет*; мясо зверей и домашних животных называют кабанятиной, зайчатинной, лосятиной, кониной, телятиной и т.д. В Кезском районе зафиксировано слово “*коровятина*”.

Частое употребление литературной лексики во многом может объясниться влиянием литературного языка. Это хорошо видно по ответам на вопросы №№ 197 — 198: *лось* и *рогач*; *лосиха* и *корова*, т.о. есть записи не только с литературным словом, но и с диалектным (на втором месте). Интересно, что образования приводятся в говоре от слова “лось”, но не от слова “рогач”.

4. Лексические диалектизмы, связанные с семантикой «Животный мир», в то же время и разнообразны. Так, одно и то же животное, птица или насекомое, произносимые ими звуки и т.д. могут называться:

а) словами с разными корнями: *светлячок*, *огонек*, *гнилушка*; *сова*, *сыч*, *конюк*; *кабанята*, *полосатики*; *потрох*, *волчок*; *муравейник*, *медведь*; *сверчок*, *трескунчик*; *ласточка*, *береговушка*;

б) одним и теми же корнями, но с разными суффиксами: *гусыня*, *гусиха*; *гусята*, *гусенки*, *гусеньши*; *галчата*, *галчонки*; *телята*, *теленки*; *крольчиха*, *кролиха*; *ящерица*, *ящерка*; *лягушка*, *лягуха*, *лягуша*; *волчица*, *волчиха*;

в) словами в разной фонетической форме: *оса*, *васа*; *дятел*, *дятель*; *журавль*, *журавель*; *паук*, *павук*; *мотылек*, *метелек*; *налим*, *малим*.

5. Анализ всех ответов из программы «Лексика природы» по теме «Животный мир» (№№ 177 — 387) по всем районам Удмуртии дал возможность представить ареалы того или иного слова данной темы. Так, везде употребляется слово “говядина”, в Кезском районе — “*коровятина*”; шкура лося называется словом “*лосина*”, в Кезском районе — “*кабус*” (словарь В.И.Даля отмечает слово “камыс, арх., сиб. полоса шкура с оленьей ноги; камусина — шкура с оленьих ног). Как видим, общее в значениях слов “*кабус*” и “*камыс*” имеется.

В Красногорском районе отмечается слово “*муравейник*” в значении “не очень большой бурый медведь”.

6. Влияние литературного языка — значительный фактор перестройки лексической системы говоров, увеличения числа лексических единиц, т.к. говор усваивает слова литературного языка, не утрачивая сразу исконных слов говора. Поэтому встречается дублетность.

7. Работа с областными словарями (В.И.Даля, СРНГ, Словарем вологодских говоров) позволяет сделать выводы о принадлежности лексики русских говоров Удмуртии из семантической группы «Животный мир» к севернорусской лексике.

Т.А.Пецкая
(Псков)

ОБОЗНАЧЕНИЕ НЕВЗРОСЛЫХ СУЩЕСТВ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

В русском языке обозначение незрелости передается существительными с суффиксами *-онок/-ат(а)*. Суффикс этот обладает высокой продуктивностью, что подтверждается производными *дятлёнок, жаворонёнок, ведмежонок, бирючонок, трусёнок, векшонок, батыньёнок* в говорах. В существительных на *-чонок* конечный компонент возникает в результате чередования заднеязычных с шипящими. По аналогии этот компонент используется в наименованиях птенцов ястреба, совы, воробья: *ястребчонок, совчонок, воробчонок* (такие примеры единичны).

Наряду с общерусским суффиксом *-онок* действует диалектная модель с суффиксом *-енёнок/-енята*. Повсеместно в большинстве районов Псковской области модификационные дериваты *волченёнок, лосенёнок, гусенёнок, утенёнок* соседствуют с общерусскими *волчонок, лосёнок, гусёнок, утёнок*.

Ю.С.Азарх замечает, что диалектная модель характерна для дериватов, у которых значение незрелости не выражено лексически, корнем. Однако в говорах встречаются существительные со значением лица, в которых суффикс *-енёнок* сочетается с корневой основой незрелости: *детенёнок, ребетёнок, мальченёнок*.

Любопытно, что в некоторых случаях при форме мн.ч. на *-енята* (*медвенята, бельченята, зайченята*) ни в одном районе области не зафиксировано соответствующих форм ед.ч. типа *медведенёнок, бельченёнок, зайченёнок, галченёнок, голубенёнок*.

Из работ исследователей, занимающихся изучением слов со значением незрелости, известно, что значение незрелости у существительных с суффиксом *-онок/-ат(а)* проявляется довольно поздно.

В говорах сохраняются существительные *курята, утяты*, не имеющие значения незрелости. Аналогичный суффикс наблюдается в именах существительных неодушевленных с уменьшительно-ласкательным значением: *бахилёнки, зубёнки* или в именах существительных со значением единичности: *два людёнка*.

Очевидно, разнообразие модификационных словообразовательных значений существительных с суффиксом -онок обусловило появление словообразовательных синонимов на -енёнок. Существительные с суффиксом -енёнок не встречаются в другом значении, кроме значения незрелости.

Широко используется в разговорной речи для обозначения детенышей суффикс -оныш, продуктивность которого иллюстрируют следующие диалектные примеры: *воробьёныш, снегурёныш, соловьёныш, цыплёныш*.

Нередко в псковских говорах в ответах вопросника ЛАРНГ значение незрелости проявляется у деминутивов и экспрессивов. Существительные *воробейчик, кабанчик, гусик, трусик, воробейко, воробко, зайчишка* и т.п. употребляются в значении 'птенец' или 'детеныш' (особенно разнообразны производные такого характера для обозначения птенца воробья, гуся, курицы).

Во многих случаях наименования детенышей представлены словосочетаниями относительно-притяжательных прилагательных с существительными ребенок, детенок, дети: *воробьёв детёнок, сорочьи дети, белкин детёныш*.

Чтобы картографирование тридцати однотипных вопросов программы ЛАРНГ по теме «Животный мир» дало по возможности наиболее объективную и достоверную картину, необходимо получить ответы на все вопросы во всех районах, необходимы повторные экспедиции и убедительные тексты.

Иногда в ответах содержится прекрасный дополнительный материал, иллюстрирующий детализацию наименований для детенышей в зависимости от возрастных периодов. Ср.: *Он палатенький кабанёнак, а к осени — уже патсвинак*.

Л.П.Батырева
(Шуя)

СИНОНИМИЯ НАЗВАНИЙ РЫБ В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Анализ ответов на вопросы №№ 379—387 Программы Лексического атласа русских народов по теме «Природа» показывает, что в говорах Ивановской области широко представлено явление лексической синонимии. Разветвленными являются синонимические ряды с доминантой *плотва* (*плотица, плотвица — плотвичка — красноперка — краснокрылка — красноглазка*

— *густотёр* — *верхоплавка*), *окунь* (*полосатый* — *колючка* — *бузун* — *краснопёрка* — *окушок*), *щука* (*зубастик* — *щупак* — *красноглазка*), *щурёнок* (*шуронок* — *шурок* — *подпилок* — *гвоздик*), *наживка* (*насадка*, *малёк*, *англичанка* — *живчик* — *живец*), *кап* (*соплюшка* — *краснопёр* — *каменная рыба* — *вьюн*). На этом фоне привлекает внимание тот факт, что рыба налим имеет лишь одно наименование, совпадающее с литературным. Это связано, по-видимому, с тем что данный вид рыбы редок в водоемах Ивановской области.

2. Частота употребляемости членов синонимического ряда находится в прямой зависимости от того, является слово литературным или собственно диалектным. Наиболее употребительной в говорах является лексика литературная. Слова *кап*, *окунь*, *плотва*, *пескарь*, *щука* известны во всех районах области.

3. Значение местных слов может быть семантически мотивированным. Собственно диалектные члены синонимических рядов способны передавать внешние особенности рыб (окраску, размер), характеризовать их поведение: *краснопёрка*, *краснокрылка*, *красноглазка*, *полосатый*, *малек*, *мелочь*, *мелюзга*, *колючка*, *вьюн*, *верхоплавка*, *зубастик*, *гвоздик*, *подпилок*.

4. В говоре выступают как собственно лексические (однокорневые), так и лексико-словообразовательные (разнокорневые) синонимы: *мелочь* — *малек* — *сиклявка* — *мелюзга* (*мелюзга*) — *сика* — *хамза* — *щеголётка* (названия мелкой рыбы) и *плотва* — *плотица* — *плотвица* — *плотвичка*, *пескарь* — *пескан*, *живчик* — *живодь* — *живец*.

5. В синонимический ряд может входить нейтральное наименование и производное от него эмоционально — экспрессивное: *окунь* — *окушок*, *плотва* — *плотвичка*.

Л.М.Карамышева
(Санкт-Петербург)

НАЗВАНИЕ БЕРЕСТЯНЫХ ПОПЛАВКОВ

В докладе рассматриваются названия берестяных поплавок в онежских говорах. Поплавки применяются почти на всех рыболовных орудиях на Онежском озере: на верхних подборах сетей, неводов, крыльев мереж и других рыболовных ловушек, на продольниках и других крючковых снастях.

Территория вокруг Онежского озера в средние века входила в Обонежскую пятину Новгородской республики. “Обонежская пятина заключала в себе часть Поволховской территории, территорию Нагорья и территорию Заонежья в широком смысле слова, то есть, как территорию заонежских погостов XII века, так и территорию, бывшую не вполне еще освоенной в первой половине XIII века, расположенную по северо-западному берегу озера и к северу от Онежского озера до Белого моря...” (Насонов). До прихода восточнославянского населения в Обонежье здесь жили финноязычные этнические группы “весь”, “лопь”, “чудь заволоцкая”, “приладожская емь”, с XII века в летописях упоминается “корела”. Отношения между русскими и местным населением складывались в большинстве случаев мирно, в постоянном процессе общения русских с племенами финно-угорской группы местный русский язык пополнился целым рядом слов.

Анализируя происхождение названий берестяных поплавок в говорах вокруг Онежского озера, можем прийти к следующим выводам.

Слово *плав* является локально праславянским (северославянским) по происхождению, известно в польском и в других русских говорах. В онежских говорах слово *плав* появилось, по-видимому, из новгородских говоров в период колонизации Севера из новгородских земель.

Слово *берёста* имеет соответствия в белорусских и украинских говорах, где также называют берестяные поплавки. Можно предположить, что слово *берёста* в качестве рыболовного термина появилось в онежских говорах прямо из псковских говоров.

Слово *турутушка*, по-видимому, попало на Онежское озеро из новгородских говоров с небольшим фонетическим изменением новгородского *турурушки*, проникшего в новгородские говоры из бассейна Волги.

Слово *трубочки* не отмечено в других русских говорах, в северных белорусских говорах применяется однокоренное *трубка* для названия поплавок, в онежские говоры данный термин проник, вероятно прямо из псковских говоров.

Слово *тюлька* известно в архангельских говорах в том же значении, данная лексема является местным северным образованием.

Большая группа слов, называющих берестяные поплавки, проникла в онежские говоры из прибалтийско-финских языков.

Таковыми являются следующие наименования берестяных поплавок: *кйборка*, *кйбр*, *кйбра*, *кйбрик*, *кйбрушка*, *кйбурок*, *кйвец*, *кйбришка*, *кйбрючка*, *шюмба*. В речи онежских рыбаков

отмечены и фонетические варианты к словам *кїборка*, *кїбра*, *кїбрушка*, *кябрьючка* (всего 23 варианта).

Слова с корнями *кебр-*/*кибр-*/*кябр-* имеют соответствия в других севернорусских говорах: в мурманских, в архангельских, в беломорских, где они также называют берестяные поплавки.

Слова с корнями *кебр-*/*кибр-*/*кябр-* и слова *кївец* и *шїмба* проникали в местный русский язык из различных прибалтийско-финских языков. Слово *кябры* — из карельского, а слово *кїбри*, *тїбрушки* — из вепского (Фасмер). Тойвонен предполагает, что в русских говорах слова *кябры*, *кябрик* являются заимствованиями из карельско-олонецкого или карельско-людиковского. Н.Лесков отмечает, что слово *кябрушка* образовано из карельского “кябрю” — “шишка еловая или сосновая”, а потом “берестяные поплавки, которые привязываются к сетям”.

И.В.Сало высказывает предположение, что вепское *кїбрик* может быть обратным заимствованием из русского. Л.Погодин считает, что оригинал данных терминов должен восходить к *кабр-*, откуда и появились слова с корнями *кебр-*, *кябр-*, а из *кебр-* уже на русской почве появились слова с корнем *кибр-*. Слова *кївец* и *шїмба* имеют соответствия в карельском языке, где они обозначают грузила.

Слова *казучок*, *пїплавни*, *теребрїюшки* не представлены в других русских говорах и в других славянских языках в анализируемом значении и являются местными новообразованиями в онежских говорах.

Таким образом, можно отметить, что заимствования из прибалтийско-финских языков составляют самую большую группу среди названий берестяных поплавок у рыбаков Онежского озера.

Н.С.Сергиева, Н.В.Величко
(Сыктывкар)

ЛЕКСИКА ЛАНДШАФТА В РУССКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Лексика ландшафта (III т. Программы ЛАРНГ «Лексика природы») отражает особенности конкретной географической среды, причем может функционировать как в качестве наименований соответствующих реалий, так и в составе топонимов (последние в докладе не рассматриваются). Весь собранный материал делится по тематическому признаку на две группы: 1)

лексика рельефа и почв и 2) лексика водоёмов, причем количественно слова второй группы преобладают. Даже с учетом структуры Программы указанную особенность можно объяснить скорее экстралингвистическими причинами. Так, рельеф Республики Коми равнинный, слабохолмистый, что отражается в лексике: *угор*, *увал* “небольшая возвышенность”, *рёлка* “холм”, *веретье* “сухое место”, *керос* “холм, обычно покрытый лесом”, *низмедь*, *низменка* “низкое место”, *наволок*, *россоха*, *сырь*, *ляга* “низкое сырое место”, *лог*, *ляга* “овраг”. Почвы неплодородны, не представляют ценности в хозяйственном отношении, слабо представлена и соответствующая лексика: *суходол*, *худа земля* “неплодородная земля”, *глина/гнила*, *сумлиньки*; *пльвун* “песок”, *дресва* “крупный песок”, *дёрен/дёрн*, *пожня*, *наволок* “луг”, *присыль*, *волок* “заливной луг”. На территории республики много болот, откуда берет начало множество ручейков и речек, которые, сливаясь, образуют реки: *зыбун*, *раменье*, *лэшкан*, *болтун* “болото”, *зыбь*, *дыбун* “топкое место”, *квоч* “кочка на болоте”, *бродюга*, *виска* “ручей”, *старица*, *калтус*, *полой* “старое русло реки”, *курья* “залив”, *извилина*, *изломок*, *излука*, *прилука* “излучина”. Много рек начинается с родников, незамерзающих ключей: *ключ*, *ключевина*, *колода*, *жёлоб*, *рудник*. Реки в течение года резко меняют уровень воды: в период таяния снегов уровень воды резко повышается, летом реки входят в свои берега, в случае жаркого засушливого лета реки мелеют. Отсюда много лексики связанной со вскрытием рек весной, их разливом, замерзанием водоемов осенью: *водополье*, *поводь*, *розлив* “прилив, подъем воды”, *мелководица*, *суховодье*, *сухая вода* “низкий уровень воды в реке”, *ледостав*, *рекостав*; *закраек*, *закрай* “лед у берегов реки”, *слуз* “вода между снегом и льдом”, *закраина*, *заберег* “вода между берегом и краем льда”, *талеть* “полынья”, *ердань* “прорубь”. Значительная часть функционирующей в говорах лексики характеризует особенности течения рек и подводного рельефа: *быстерь* “быстрина”, *вадега*, *затонье*, *улова* “место с медленным течением”, *пербор*, *россыль*, *кошка* “порог”, *падун* “перекат”, *кругозаворот*, *замоина*, *изворот*, *улово* “водоворот”, *водоворот*, *курган*, *заструга*, *тоня* “глубокое место”.

В целом собранный материал укладывается в рамки Программы Атласа. Естественно, однако, что некоторые лексические микрогруппы шире представлены в словарном материале, например, лексика, обозначающая особенности берегов рек: *бровь*, *едома*, *щелья*, *крёжь*, *прилук* “крутой высокий берег”, *бережина*, *ластепола* “низкий берег”, *присыль*, *россыль* “песчаный берег”, *дресва* “каменистый берег”, *жидкий берег* “вязкий берег”.

Следует отметить, что в собранном материале преобладает диалектная лексика, хотя употребляются и общерусские слова: *прорубь, полынья, болото, ложбина, ил, песок* и др. Это является несомненным свидетельством актуальности народной географической терминологии, которая таким образом остается важнейшим источником изучения исторических, в частности, семантических процессов в языке.

В основном для обозначения ландшафта используется лексика славянского происхождения, однако выявлены и заимствования, прежде всего из финно-угорских языков (*керос, виска, ластепола, калтус, курья*), причем заимствованные слова могут как развивать новые значения, так и характеризоваться четким соответствием слову языка-источника.

Н.С.Ганцовская, Т.Е.Никулина
(Кострома)

НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ И СРЕДСТВ ИХ ЛЕЧЕНИЯ

Ценный лексический материал по теме «Народная медицина, болезни» содержится в ставших уже библиографической редкостью трудах Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК), действовавшего в первые три десятилетия нашего столетия. В настоящее время возродился интерес к многообразной деятельности членов этого общества, но до сих пор почти совершенно не изученной и практически не использованной остается их лингвистическая работа, особенно в плане народно-разговорной лексики. Между тем она содержит большое количество ценного материала, незаменимого при составлении словарей, атласов и др. ареальных исследований.

В работе Н.Виноградова, виднейшего деятеля КНОИМК, этнографа, фольклориста и лингвиста-диалектолога, «Заговоры, обереги, спасительные молитвы» напечатанной в Санкт-Петербурге в 1909 году, содержится более ста молитв, заговоров и оберегов, относящихся к семи уездам Костромской губернии. Большая часть этих молитв и заклинаний посвящена охране душевного и телесного здоровья людей. Таковы, например, молитвы «О здравии», «От всех болезней, Заговоры против порчи, на присуху, на отсуду, от сердоболи, от лихорадки, от зубной боли, на чирей, на утин и др. Речевая канва заклинаний характеризуется наличием церковной и языческой символики, сочетанием церковно-книжной и народно-разговорной лексики и фразеологии.

Молитвы и заклинания содержат несколько десятков слов, устойчивых оборотов и описательных выражений медицинской тематики. Это названия соматических болезней всего организма и отдельных органов, симптомов болезней: *болезни, телесные недуги, щепоти, лихорадки-трясовицы* (12 комах), *уразы, камчуги, черевухи, вереда, своробы, опухоли, утин, кровавые железные раны, укладные раны, порез, поруб, грыжа (кила)* и др. Детально представлены и номинации душевных болезней взрослых и детей: *скорби, душевные недуги, тоска и сухота, черная остудная тоска, дурь* (сумасшествие), *порча, прича, прикос, сглаз* и др., у детей — *родимец, падучка, 12 тишин*.

Общий инвентарь лексики медицинской тематики в заговорах и оберегах (часть ее извлечена из рукописей XVII—XVIII веков) архаичен. Многие медицинские термины и выражения в современных костромских говорах не обнаружены, например, *прича* 'внезапная болезнь, удар', *уразы телесные* 'удары, ушибы', *гоголи* 'сифилис', *12 камчужиц* 'фурункулов?', *денные и ночные переполохи, ревушие и отрыгучие* и др., другие являются раритетами и с трудом выявляются в современных говорах: *утин* 'болезнь поясницы', *тишина, камчуг, свороб* и др. Некоторые слова Н.Виноградов кратко, однословно толкует: *камчуги* 'каменная болезнь', *черевухи* 'понос', *вереда* 'чирьи', *свороба* 'чесотка', *гоголи* 'сифилис'. По-видимому, и в начале века эти слова не были широко известны.

Одной из самых ценных сторон труда Н.Виноградова является богато представленная группа названий способов лечения болезней, включающая в себя не только медикаментозные средства (*от боку осиновая корка, утин рубить* и др.), но главным образом лечение словом, наговором, что в народной медицине считается необходимым, а иногда и главным компонентом, по сравнению с лекарственным, восстановления здоровья и что с большим трудом восстанавливается в современных говорах. Таков, например, способ лечения, который содержится в молитве № 36 «Молитва от грыжи избавляет». Она имеет традиционный зачин — обращения к богу: «Господи, боже. Богослови, отче! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь». Затем как второй план, обязательный в достаточно обширных молитвах и заклинаниях, идет сказочно-фантастическое описание хрустального терема с красной девицей, которой и следует молиться, чтобы избавиться от болезни: «Есть море-окиян. И в том море-окияне есть белой камень Латырь... На том камени Латыри стоит хрустальный терем. И в том хрустальном терему стоит золот стул. На том золотом стуле сидит красная девица... — "Государони ты, красная девица, дай ты мне, рабу Божию (имя рек)... грыжных слов добрых. Грызет у раба Божия (имя рек)...

золотная грыжа... пуповая грыжа, мокрая грыжа, костяная грыжа, белая грыжа...". В молитве дается анамнез разнообразных видов грыж и рекомендации по их излечению: "— И зговорит красная девица: "Ой, еси ты, грыжа, от раба Божия... шукою... и пади к белому камению...". В конце молитвы предлагается медикаментозное лечение, сопровождаемое наговором (с непонятными словами): "Говори трижды на сало ворванное наштикись и материно молоко. А мазать безымянным перстом или щучьими зубами против того места, где грызет".

В текстах фольклорного характера, подобным вышеприведенному, осуществляется экспрессивно-образное отражение действительности, за счет чего наименования, относящиеся к медицине, получают, дополнительную к предметно-логической, информацию, построенную на отражении уже познанного мира вещей и реальных событий. Вследствие этого семантическая структура слова осложняется, коннотативное наслаение мистически-образного характера выдвигается на передний план, подчиняя себе денотативное значение. Отсюда средством лечения выступает образное слово, и само лечение недействительно без взаимодействия со словом или развернутой группой слов экспрессивно-образного характера.

В костромских говорах можно обнаружить не только отдельные фрагменты лексической группы по теме «Болезни, Народная медицина», что и в работе Н.Виноградова, но и выявить средства и приемы лечения словом экспрессивно-образного характера с включением церковной и язычески-бытовой символики. Например, лечение утина 'радикулита' в Кологривском районе: "*Када спина болит, утин налетел, надо черес три порога рубить, стукать по спине обухом топора с приговором "Чего рубишь — утин рублю, у ково рубишь — у рабы божией Марии"* (см. Молитву № 69 «Средство от утина» у Н.Виноградова). Там же лечение болезней грудного младенца (*ревучей, томучей или едучей тишинки*): "*Поди, попроси в трех домах хлепца, сделай сосулечку, пусть пососит, накрой младенца черныи и с Исусовой молитвой, чтобы ребенок не свихнулся: "Господи, Исусе Христе, боже, помилуй нас, грешных..."*" (см. молитву № 86 от тишины у младенца в записях Н.Виноградова).

Значение труда Н.Виноградова, как и тех трудов, которые содержат фольклорные источники с номинациями болезней и средств их лечения, в том, что они не только дают конкретный материал искомой тематики, редкий в современных говорах, но и стимулируют и направляют его поиски.

С.А.Мызников
(Санкт-Петербург)

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИНВАРИАНТЫ В ОБОНЕЖЬЕ

В данной работе предпринята попытка выделить основные аффиксы, участвующие в словообразовании заимствованной из прибалтийско-финских языков лексики, а также по возможности проследить их территориальную дистрибуцию в русских говорах Обонежья на полевых материалах, собранных автором.

Префиксальное словообразование отмечается преимущественно у глаголов, выделяются следующие приставки: *вы-* (*вышиньгать—шиньгать* 'терebить лен'), *за-* (*зауландать—уландать* 'выть'), *на-* (*нарячкать—рячкать* 'бить, колотить'), *об-* (*обкарзать—карзать* 'обрубать сучья'), *по-* (*покобандать—кобандать* 'медленно идти'). Дистрибуция данных префиксов носит общереальный характер и связана с локализацией соответствующих глаголов.

Крайне редко префиксальное словообразование отмечается у существительных — *закулига—кулига* 'участок сенокоса, окруженный кустами'.

Зафиксировано также префиксально-суффиксальное словообразование: *закошечье* 'участок водоема, окруженный песчаными отмелями' — *кошка* 'песчаная отмель'; *залудье* 'водное пространство за каменистыми отмелями' — *луда* 'каменистая отмель'. Однако данные слова имеют единичные фиксации и не получили широкого распространения в Обонежье.

Суффиксальное словообразование преобладает у существительных. Среди заимствованной лексики выделяется группа слов, корень которых не встречается без суффикса: *гунгач* 'филин', *тикач* 'дятел', *нергач* 'сойка', *паскач* 'воробей', *пингач* 'чибис', *кигач* 'мошка', *мугач* 'мелкий окунь', *пискач* 'малеk', *керпач* 'веник'. Часть слов бытует по всему Обонежью, часть распространена в северо-западном Прионежье (Прионежский р-н Карелии), однако большинство лексем на -ач фигурирует в Пудожском р-не Карелии. Отмечаются слова, в которых суффикс -ач образует варианты к бессуффиксальному слову: *пиндач* — *пинда* 'заболонь'; *рупач* — *рупа* 'верхний плавник рыбы'; *мяндач* — *мянда* 'сосна на болоте'; *рофкач*, *рохкач* — *рофкаль*, *рохкаль* 'незрелая ягода'.

Суффикс *-ак*, *-'ак* также в основном представлен в вариантах: *кушак* — *куша* 'птица'; *пармак* — *парма* 'овод'; *мяндак* — *мянда* 'сосна с водянистой древесиной'; *ромжак* — *ромжа* 'иван-чай', *рохляк* — *рохлая* *ягода* 'незрелая ягода'.

Лексика на *-га*, анализируемая также Т.С.Доля, В.С.Сухановой, довольно частотна. Выделяются слова, где *-га* не имеет соответствий в языке-источнике и классифицируется нами как приращение на русской почве: *лубега* 'вода на льду', *галога*, *ярмега*, *рямега* 'иной', *листега* 'тонкий первый лед', *румбега* 'иной на притолоке', *ситега* 'морозящий дождь', *юдега* 'первый лед', *кябега*, *кярбега*, *капшуга* 'мох', *шольга*, *шольдига* 'водоросль', *кичуга* 'икра налима в виде клубка', *елдыга* 'небольшой сиг', *пальга* 'рыба', *кивьяга* 'рыба', *рядега*, *рятега* 'болотистое место с мелколесьем'. В ряде случаев слова на *-га* выступают в качестве вариантов к бессуффиксальным лексемам: *рядега* — *рянда* 'снег с дождем'; *карега* — *кара* 'волна'; *лумбега* — *лумба* 'вода на льду'; *гормага* — *горма* 'иван-чай'; *турбега* 'дерн' — *турба* 'торф'; *руйнега*, *рупега* — *рупа* 'верхний плавник рыбы'. Лексика на *-га* широко представлена во всем исследуемом ареале, но имеет более частотные фиксации в Пудожском р-не.

Существительные с диминутивным суффиксом *-ушк(а)*, *-ушк(а)* отмечаются в основном как варианты к словам без суффикса: *алеюшка* — *алейка* 'утка-морянка'; *липушка* — *липка* 'бабочка'; *урбушка* — *урба* 'почка березы'; *маймушка* — *майма* 'мелкая рыба'; *лахтушка* — *лахта* 'небольшое болото'; *лудушка* — *луда* 'каменистая мель'. Лексика с этим суффиксом имеет ярко выраженную диминутивную коннотацию. В одном случае слово на *-ушк(а)* — *ламбушка* 'небольшое лесное озеро' имеет более широкий ареал и употребляется чаще, чем слово без суффикса — *ламба*.

В восточном Заонежье (Пудожский р-н и Вытегорский р-н Вологодской области) лексика с суффиксом *-иц(а)* часто выступает в качестве варианта: *карица* — *кара* 'залив'; *лемица* — *лема* 'топь'; *торпица* — *торпа* 'форель', *ламбица* — *ламба* 'лесное озеро'; *корбица* — *кора* 'рыба'.

В редких случаях словообразовательные варианты имеют четко очерченные ареалы, например семема 'прошлогодня нескошенная трава' имеет следующие формы: *кула* — в Пудожском р-не; *кулага*, *кулога* — в Прионежском; *кулоха* — в Подпорожском р-не Ленинградской области; *кулача* — в Вытегорском р-не.

В большинстве случаев суффиксы носят асемантический характер, кроме экспрессивной деривации, а также не рассматриваемой здесь транспозиционной деривации (из одной части речи в другую).

И.А.Королева
(Смоленск)

АНТРОПОНИМЫ И ИХ АПЕЛЛЯТИВЫ В ГОВОРАХ СМОЛЕНЩИНЫ

Один из источников изучения русской антропонимии — лексическое богатство русских говоров, которые предоставляют возможность как для исторического ретроспективного изучения языка, так и для изучения народной устно-разговорной разновидности современного русского языка.

Актуально и перспективно исследование прозвищ — этого древнего вида антропонимов, до сих пор активно функционирующего наряду с полной формулой именованя лица. Прозвища в говорах — особый и весьма ценный для лингвистов пласт лексики. На наш взгляд, наибольший интерес вызывает изучение прозвищ, образованных на базе диалектных апеллятивов. Причем в этой группе слов можно отметить прозвища, в основах которых сохранились диалектные лексемы, уже исчезнувшие из словарного состава того или иного русского говора.

Необходимо сказать, что говоры Смоленщины предоставляют диалектологу большой, яркий и колоритный материал по антропонимии. В настоящем докладе рассматриваются прозвища, собранные в поселке Голынки Руднянского района Смоленской области, пограничного с Беларусью. Не описывая всю систему так называемого “уличного именованя” жителей этого населенного пункта, обратим внимание на достаточно значительное количество прозвищ, образованных на базе диалектных апеллятивов. Практически все они сохраняют мотивировку производящей основы: *Зажитчик* — “хозяин из крепкой, зажиточной семьи” (*зажиться* “разбогатеть”); *Кушнериха* — “отец и муж женщины скорняки” (*кушнер* “скорняк”); *Мордован* — “человек, вышедший из тюрьмы, где он сидел за драку” (*мордовать* “бить, мучить, истязать”); *Панчошка* — “женщина, которая хорошо вяжет чулки, носки, гетры” (*панчохи* “чулки”); *Паперица* — “женщина, в роду которой все мужчины в основном были писарями и канцелярскими работниками” (*папера, паперка* “бумага”); *Рятуня* — “слабый, безобидный, тихий мужчина” (*ретьвать* “спасать”) и т.п. Подобные прозвища бытуют вместе с такими прозрачными по семантике и структуре именованями, как *Комиссариха* — “женщина, чей муж в гражданскую войну был комиссаром”, *Петря* — “прозвище образовано на ба-

зе фамилии Петров”, *Фролиха* — “именование женщины по имени мужа” и др.

Следует указать, что некоторые апеллятивы до сих пор активны в речи жителей Смоленщины, в частности, поселка Голынки: *зажиться* “разбогатеть”, *панчохи* “чулки”, *ретовать* “спасать, помогать” и т.д. Но есть прозвища, которые в своей основе сохраняют значение уже исчезнувшего апеллятива, например, *Узыльщики* — “семейное прозвище людей, постоянно берущих в долг и плохо отдающих взятое”. Глагол *узычить* “взять в долг” отмечен памятниками смоленской письменности XVIII в.: *Однаго толка лиха, недамыслить, што па беламу чорна есць. Хвала богу берясцень мязги, хуць тот людзиомь узычу, а яго таки вывучу.* Смоленские комедии XVIII в. Глагол с названной приставкой более ни в каких лексикографических источниках XVIII—XX вв. не представлен (синоним *позычить* с тем же значением до сих пор сохраняется и на Смоленщине, и в других русских говорах). Именно такие прозвища, на наш взгляд, особенно ценны для исследователя, так как позволяют реконструировать систему смоленского диалекта в его прошлом, а также детально описать лексическую систему современных смоленских говоров.

С.Н.Варина
(Санкт-Петербург)

МИКРОТОПОНИМИКА ДЕРЕВНИ МАЛАЯ ПЕРЕВОЛОКА ПЕНОВСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Топонимия дает важный материал для изучения истории языка, истории народа, а главное она представляет несомненный интерес для Лексического атласа русских народных говоров. До недавнего времени топонимия Тверской области почти не подвергалась специальному научному исследованию.

В любом разряде географических объектов имеются и микрообъекты, их имена часто обладают своей спецификой, что заставляет обращать на них особое внимание, это так называемая микротопонимика. Микротопонимика, как правило, известна узкому кругу людей, живущих вблизи именуемых объектов (названия озёр, ручьёв, покосов, пожней, урочищ, и т.д.), их связь с апеллятивами обычно близка и прозрачна. Материалом для исследования послужили собранные в полевых условиях микротопонимы деревни Малая Переволока Пеновского района Твер-

ской области. Многие микропонимы имеют прямую зависимость от местного говора.

Рассмотрим названия и мотивацию некоторых микропонимов.

НАЗВАНИЯ ОЗЁР.

Абакумово озеро (около этого озера жил Абакум); *озеро Долгое*; *озеро Дрыхло* (очень глухое место, заросшее травой); *озеро Закачужье* (в нём много коряг, корчи, глухое место); *Лебединое озеро*; *озеро Медвёжье*; *Пнёво озеро* (около озера когда-то был пожар, и осталось много пней); *Сырчино озеро* (вокруг очень топкие и сырые места); *озеро Светлицá* (по цвету воды); *Студенец малый*, *Студенец большой* (всегда очень холодная вода, много подводных ключей); *озеро Черное* (по цвету воды); *Чёрная Лука* (озеро имеет изогнутую форму и вода в нём тёмная); *Ям озеро* (очень глубокое, как бездонная яма).

НАЗВАНИЯ РУЧЬЕВ.

Ручей Барабана (прозвище мельника); *ручей Городня* (около этого ручья городили поле, или в древние времена был городок — две версии). *Волкотá река* (был волок, и деревня называлась Волок); *речка Куть* (она находится далеко от деревни, в дальнем лесу, лес там углом); *речка Каменка* (быстрое течение и в ней много камней); *Колчевáтка* (около неё много бугров, кóлчи, косить неудобно); *Массави́ца* (мотивация тёмная, объясняют, что в ней вода мутная); *Ме́жник ручей* (течет между межа́ми); *речка Моставля́нка* (был когда-то мост); *речка Ордо́вка* (рядом было село Орда); *речка Поля́нка* (берега удобные для покоса, хорошая трава, удобно косить). *Пономаря́ ручей* (на этом месте был убит пономарь); *ручей Ру́сичина* (был курган по названию Ру́сичи); *Сви́ница ручей* (быстрая речка); *Чёрная речка* (по цвету воды); *Закривинка речка* (очень извилистая речка); *Юрьев ручей* (покос был там у Юрия).

НАЗВАНИЯ МХОВ.

Сенькин мох, *Гришин мох*, *Петин мох*, *Минкин мох*, *Филин мох* (эти люди имели около этих мест избушки); *Пялинский мох* (и территории имения Пялино, которой принадлежало Квашниным); *мох Лучиновик* (по фамилии Лучинов); *Большой мох*; *Корянистый мох* (много сухих коряг было); *Глухой мох* (болото далеко в лесу); *Ломкий мох* (ломь вокруг этого мха — бурелом); *Малый мох*; *Подбелёвский мох* (Белёво) (около это-

го места жгли белую известь, место около этого мха получило название Белёво); *Сикухин мох* (муравьев много на этом болоте); *Тетёрский мох* (тетерева токовали); *мох Тошник* (вокруг росло много багульника); *Уревский мох* (в давние времена там была трясины, урёв, тонули, гибли люди, животные).

НАЗВАНИЯ ПОКОСОВ.

Бандурина покос (по фамилии); *Варламов покос*; *Ксенофонтов покос*, *Сёнькин покос* (по именам); *Гагольник покос* (гогольник/гагольница — название травы трилистник); *покос Гнилки* (плохое место); *Старь покос* (очень старое место); *Березуга покос* (вокруг много берёз); *Киёвник покос* (кий ломали, кий — тростник высотой два метра); *Заход покос* (очень далеко расположен, нужно заходить со стороны леса).

НАЗВАНИЯ ПОЛЕЙ, НИВ, ПОЖНЕЙ, УРОЧИЩ И ДР.

Большёе поле, *Малое поле*, *Филькина нива*, *Егорова нива*, *Барская нива*, *Щёливая нива* (щётник там растёт, трудно косить), *Кладовая пожня* (клад нашли там); *Садкова пожня* (там нашли когда-то садки — две колоды с диким мёдом); *Гладкая лощина* (большой луг); *Дивье урочище* (жили когда-то полурусалки); *Кочёвник урочище* (стояло там по преданию кочевье); *Фёдин конец* (конец озера Витьбинского, там скрывался разбойник Фёдор); *Сватово горховище* (мотивация тёмная), *Хазарин рог*, *Чётов рог* (часть суши, которая вдаётся в озеро — рог, по преданию в этом месте стояли хазары и Чёт — князь стоял).

Следует сказать, что большое количество микропонимов имеют в своей основе личные имена: *Абакумово озеро*, *Юрьев ручей*, *Сёнькин покос*, *Филин мох*, *Фёдин конец*, *Егорова нива* и т.д.

В составе микропонимических названий встречаются слова неизвестные литературному языку: *озеро Закачужье*, *Сыричино озеро*, *Волкотá река*, *речка Колчевáтка*, *речка Ордóвка*, *Ломский мох*, *Гагольнин покос*, *Сикухин мох*. Многие из этих черт имеют прямую зависимость от местного говора.

Надо отметить, что диалектные микропонимы, как правило, известны большинству жителей и не имеют тенденции к исчезновению. Особенно это заметно в наименовании озёр, покосов, мхов.

Лексический анализ микропонимики может дать интересные результаты как для топонимики, так и для диалектологии.

В.Л.Васильев
(Новгород)

МИКРОТОПОНИМ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН В ГРАНИЦАХ ОТДЕЛЬНОГО ГОВОРА

1. Вопросы взаимодействия топонимов и местных географических терминов (МГТ) неоднократно исследовались. Но процессы бытования собственных имен “местного значения”, микротопонимов (далее также — МТО) и их связей с апеллятивами применительно к отдельной микросистеме, каковой является говор, были изучены недостаточно. Между тем, ощущение жителями села, деревни относительной автономности своего говора и принадлежащей ему микротерритории служит важной предпосылкой для “рождения” и функционирования собственных имен.

2. Говор — понятие в лингвогеографии известное. “С точки зрения функциональной говор можно определить как языковую систему, обслуживающую коллектив регулярно общающихся” (Г.А.Хабургаев), “которая функционирует в качестве единой структурно-системной общности” (Ф.Т.Жилко). Однако для определения границ отдельного говора в группе однотипных учет его отличительных языковых особенностей кажется явно недостаточным. При такой “минимизации” исследования структурные различия соседних языковых общностей будут крайне незначительными.

3. Очевидно, наибольшие возможности для выделения границ говора находятся в сфере имени собственного. Ведь каждой отдельной языковой микросистеме соответствует свое особое, отличное от других ономастическое (соответственно, топонимическое) пространство, общее для всего “коллектива регулярно общающихся”. Так, И.А.Воробьева отмечает для условий Западной Сибири: “При полевых записях состав топонимов разных сел, даже отстоящих друг от друга на расстоянии 3—4 км, почти не имеет общего слоя”. Отсутствие “общего слоя” онимов, по-видимому, и должно считаться границей, разделяющей смежные говоры. Разумеется, такая граница, как и границы других лингвогеографических единиц, будет весьма условной, приближительной, иногда размытой.

4. Основу топонимического пространства отдельного говора образуют, как известно, микротопонимы. Составляя схему ориентации местного населения в окружающей среде, они выступают как одно из главных организующих начал говора.

5. Разными исследователями как объем, так и содержание термина “микротопоним” понимается неоднозначно. Обычно МТО считаются названия географических микрообъектов. Разграничение объекта и микрообъекта часто кажется спорным, а иногда и искусственным. Не задаваясь целью дать определение МТО (в любом случае оно будет неполным), предпочтительнее, на наш взгляд, выделить в качестве главной его функциональную характеристику. К МТО можно отнести различного типа субстантивы, идентифицирующие разнообразие географические объекты, но известные и используемые в качестве названий как правило в пределах одного говора (реже — в нескольких смежных). Именно в границах говора создаются все условия для образования собственных имен в силу единичности и (или значимости, существенности для местного населения географических объектов, идентифицированных тем или иным словом) (Ю.А. Карпенко). В говоре равноправно сосуществуют в качестве МТО как названия, отражающие историческую память местного населения, превратившиеся в “ортодоксальные” собственные” (А.В. Суперанская): *Пупышево, Липачй, Печйше, Сушево, Розломы* и др., так и широко известные МГТ, выполняющие в конкретных условиях говора топонимическую функцию (“ситуативные МТО”): *Сосняг, Полдй, Лука, Рбша, Гарь, Гонобольняг* и др. Полевая практика показывает, что местные жители часто не различают “собственный” или “нарицательный” смысл известных географических терминов. Они пользуются этими МГТ как топонимическими знаками, называя ими определенные места в своей округе. Если в говоре существует несколько однородных объектов, возможны дифференцирующие определения при МГТ–МТО, обычно выражающие местоположение: *Ожедовский гонобольняг, Байновская дорога, Радчинский вал, Задний ручей, принадлежность Сяхин берег, Катин покос*, особенность формы объекта: *Мелкий ручей, Глубокий ручей, Высокий горб*.

6. Таким образом, на уровне говора различие между МГТ и МТО может быть близким к нулю. С одной стороны, МГТ как лексическая единица обозначает, выражает понятие, с другой — называет, идентифицирует индивидуальный объект, выступая как МТО.

7. Известно, что семантика МГТ очень изменчива под влиянием географических условий: семантический диапазон терминов трудно выделить, локализовать даже на небольшой территории. При полевом исследовании географической терминологии приходится учитывать, что “каждый информант” в зависимости от конкретного географического контекста выбирает подходящую семантическую характеристику” (В.М.Мокисенко). Другими

словами, информант опирается чаще всего на “ситуативные МТО” в своем говоре, поскольку именно они выступают конкретизаторами значений общеизвестных и распространенных терминов. Вследствие этого географическая терминология обнаруживает большее смысловое варьирование под влиянием внешних условий, нежели другие классы диалектной лексики.

Н.П.Тихомирова
(Череповец)

ТИПОНИМИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Отмечалось, что при сборе материала для Лексического атласа русских народных говоров целесообразным является использование различных источников, не предусмотренных в программе Атласа. К их числу могут быть отнесены топонимические данные.

Топонимы — один из важных источников изучения диалектологии и истории языка. Они подвергаются меньшим изменениям, нежели апеллятивная лексика. Топонимы позволяют обнаружить слова и звенья лексической цепи, существовавшие когда-то в языке, но исчезнувшие в течение веков. Локализация топонима — это тоже одна из важных черт его информативности при реконструкции лексики.

Несмотря на то, что ежегодно совершаются диалектологические экспедиции, часть диалектных слов так и остается не зафиксированной в том или ином регионе. Целенаправленная работа по программам Лексического атласа еще раз убедила в этом. Вероятность существования слова в прошлом или в настоящее время в диалектной лексической системе имеется. И здесь на помощь могут прийти топонимические данные. Сошлюсь на следующий пример. В письменных документах XIX в. в Устюженском и Кирилловском уездах Новгородской губернии зафиксирован микротопоним РУСЬ. Апеллятив “рус” в XIX в. бытовал на Северной Двине, в XX в. зафиксирован в архангельских говорах. Возможно предположить, что слово было и в лексической системе белозерских говоров, тем более что зафиксированы микротопонимы в тех частях Белозерья, которые осваивали в основном выходцы из районов Верхнего Поволжья, позднее пришедшие и на Северную Двину. Историки отмечают распространение верхневолжского типа в бассейнах Двины и Сухоны.

Топонимические данные могут и не претендовать на включение их в Лексический атлас как объекта картографирования, но они многое могут дополнить и объяснить (прерывистость изоглоссы, островные ареалы и т.д.). Особое внимание следует обратить на группу топонимов, в основу которых положены диалектные слова, зафиксированные за пределами изучаемого региона. По данным микротопонии XIX—XX вв., в белозерских говорах могут быть реконструированы следующие местные географические термины: *кадок*, *печище*, *прислон*, *толстик*, *чертеж* и др.

М.М. Кондратенко
(Ярославль)

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ

В диалектных обозначениях природных явлений широко представлены и синтетические (лексемы) и аналитические (номинативные и предикативные сочетания слов различной степени устойчивости) наименования.

В словосочетаниях, как правило, грамматически главное слово называет родовое явление, а зависимое — видовой признак. Однако в некоторых сочетаниях слов роль компонентов в обозначении реалии может быть и другой. В отдельных случаях все словосочетание в целом имеет то же значение, что грамматически главное слово: в значении “радуга” *веселка* и *богова веселка* в южно- и среднепсковских говорах; в значении “дождь со снегом” — *мочливая слякоть* и *слякоть* в брянских говорах. Возможно, как предполагал А.А. Потебня, назначение подобных выражений состоит в восстановлении внутренней формы грамматически главного слова. В этом смысле особенно показательное словосочетание *северный шелонник* “самый холодный ветер” в севернопсковских говорах при наличии лексемы *шелонник* со значением “северный холодный ветер”.

Другой периодически встречающейся особенностью аналитических номинативных единиц является их компрессия. В результате этого процесса опускается грамматически главное слово, и все значение, выражаемое словосочетанием, передается при помощи зависимого компонента, чаще всего имени прилагательного, которое в таком случае субстантивируется. Примером обозначения природных явлений при помощи субстантивированных прилагательных являются: *блескащие* “яркие звезды появляющиеся перед рассветом” в севернопсковских говорах,

мыгавы “морозящий дождь” в северо-западных белорусских говорах, *дождливый* “западный ветер” в севернопсковских и *белый* “иней” в южнопсковских, *нечистый* “вихрь” в закарпатских говорах и др.

Другим видом изменения словосочетаний в процессе номинации является трансформация грамматически зависимого слова в приложении к главному. Таким образом, например, из словосочетания *сеногнойный дождь* “дождь при солнечной погоде” возникла новая номинативная единица *дождь* — *сеногной* в некоторых севернорусских говорах. Подобного происхождения, очевидно, такие названия, как *мароз* — *пякун* “сильный мороз” в восточных белорусских говорах, *дождик* — *моросун* “морозящий дождь” в южнопсковских говорах и др.

Некоторые особенности способов номинации демонстрируют и синтетические номинативные единицы. К их числу можно отнести лексикализацию формы множественного числа имен существительных. Как правило, форма множественного числа употребляется для обозначения множественности предметов, например, *крыги* “льдины” при наличии *крыга* “льдина” в брянских говорах. Однако форма множественного числа может отличаться и своим лексическим значением от соответствующей формы единственного числа. Новое лексическое значение может заключаться в семантическом оттенке большей интенсивности или длительности проявления. Так, в гуцульских говорах отмечены лексемы *злива* и *заливи*, обозначающие ливень, однако вторая лексема обозначает ливень продолжительный.

В ряде случаев форма множественного числа имеет метонимическое по отношению к форме единственного числа значение: *морозове* “холодный сильный ветер” в бойковских говорах, *юга* “сухой, жаркий ветер” в брянских говорах.

Кроме того, отмечены формы множественного числа имен существительных, которые не имеют значения множественности и не соотносятся тематически с точки зрения семантики с формой единственного числа: *светляки* “молния” в среднепсковских и “молния без грома” во владими́ро-поволжских говорах, *цигани* “град” в сербских говорах и др.

Т.В. Кириллова
(Тверь)

СУБСТАНТИВЫ НА -УХА В ТВЕРСКИХ ГОВОРАХ.

Монографическое описание диалектного словообразования предполагает изучение особенностей функционирования словообразовательных типов и степени их продуктивности в различ-

ных диалектных системах. Создание максимальной модели русского диалектного словообразования — одна из актуальных задач описательной диалектологии. Такая модель необходима для уточнения соотношения общерусского и специфического, диалектного, в системе словообразования русского языка. Другим важнейшим аспектом в изучении деривационной системы говора является исследование словообразовательных процессов, происходящих в диалектах и вызывающих утрату отдельных словообразовательных типов и моделей, а также изменение мотивационных отношений в производных словах. Программа Лексического атласа русских народных говоров по диалектному словообразованию должна ориентировать исследователя на сбор материала не только для описания воспроизводимых дериватов, составляющих основу любого диалекта, но и для так называемого перспективного словообразования, отражающего инновации в деривационном процессе (Ю.С. Азарх). Диахронический подход особенно результативен при изучении таких говоров, которые подвергались неоднократному обследованию на протяжении длительного времени. К таким относятся Тверские диалекты, словообразовательные особенности которых получили определенное отражение еще в дореволюционных лексикографических изданиях («Опыт областного великорусского словаря» и «Дополнение» к нему, Словарь В.И. Даля).

Имена существительные с суффиксом -УХА наиболее широко распространены в современных северо-западных, тверских и псковских говорах (А.С. Герд, М.В. Сыромля). Сопоставление современных данных (по картотеке тверского регионального словаря) и более ранней их фиксации (указанные выше источники) свидетельствуют о заметном изменении продуктивности некоторых словообразовательных типов, о сокращении круга производящих основ, об уменьшении количества лексико-семантических групп. Так, в современных тверских говорах стал менее продуктивным один из самых распространенных в прошлом словообразовательный тип (СТ) — «имена существительные с суффиксом -УХА со значением субъект действия, названного мотивирующей (глагольной) основой» (например, *Собируха, шелестуха, пискуха, брезготуха* и т.п.), что связано с уменьшением общественной потребности в наименованиях лиц по роду деятельности, занятиям, по морально-этическим и психологическим качествам в диалектах, а это в свою очередь обусловлено увеличением параллельных образований в литературном языке, удовлетворяющих данную общественную потребность. В этом СТ перестало употребляться в качестве производящей основы местоимение, сократилось количество ЛСГ и морфологических моделей.

Изучение диалектного словообразования говоров тверского региона и его отличий от словообразовательной системы литературного языка показало, что тверские говоры имеют ряд особенностей в реализации действующих в русском языке словообразовательных законов: разная наполняемость словообразовательной структуры, более полная частеречная характеристика производящих основ и их связь с локально ограниченной лексикой, большая экспрессия производящей основы и формата, повышенная вариантность отдельных звеньев словообразовательной системы.

Программа интенсивного сбора материала по диалектному словообразованию (см. «Методические рекомендации по сбору, классификации и анализу производной лексики». — Кемерово, 1990; «Диалектные различия русского языка. Словообразование». — Вып. I, Кемерово, 1990) даст возможность полнее собрать материал по диалектному словообразованию и на этом уровне установить диалектные различия, которые получают отражение в Лексическом атласе русских народных говоров.

В докладе будут показаны особенности модели словообразования субстантивов на -УХА и особенности их функционирования в современных тверских говорах.

С.А. Кошарная
(Белгород)

О ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ГОВОРА СЕЛА ТЮРИНО ШЕБЕКИНСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Как известно, фонетическая сторона слова — один из важнейших элементов его существования. При этом звуковая оболочка слов может видоизменяться. Особо характерно это явление для говоров общенационального языка. Различные фонетические процессы, закономерности общего и частного характера в условиях устного бытования диалекта изменяют фонетический облик как общенародных, так и местных лексем.

Наблюдения над фонетикой говора с. Тюрино позволяет говорить о том, что этому говору присущи черты, общие для всех южновеликорусских диалектов. В то же время исследуемый говор подвергается достаточно сильному воздействию украинского языка.

Так, наряду с аканьем (*бальшóй, харóший, пауáна*) в исследуемом диалекте довольно частотно и оканье (*споко́йночко, дéдушко, поуáно* и др.).

В говоре присутствует диссимилятивное яканье, что является характерной южнорусской чертой (*нявѣста, пярѳх* “пирог”, *свакрѳва, спякуть, сяло* и подоб., но *миня, засивать* и др.).

Достаточно частотны в говоре с. Тюрино словоупотребления с гласным /e/ под ударением перед твердыми согласными в соответствии с гласным /o/ других говоров и общенародного языка (*кладѣшь, перевернѣшь, жерѣлок* и *жерѳлок* “ворот рубахи—косоворотки” и подоб.). Таким образом, можно говорить об отсутствии в говоре последовательного перехода /e/ в /o/ и о сохранении древнего облика глагольных флексий в форме 2 лица ед. числа.

В то же время в диалекте присутствует переход /ē/ в /a/ после шипящих на конце слов (*повыша, дѳжа, нѳжа, тѳжа*).

В говоре наблюдается стойкое сохранение архаичного фонетического облика окончаний полных прилагательных твердой разновидности склонения мужского рода им. п. ед. ч. (*пѳльной, справной, наряжѳной, сознѳтельной, чѳрной* и др.). Наряду с этим не менее частотны формы с безударной флексией -ай (*длиннай, красѳвай, мѳлай, харѳшай, ширѳкай* и подоб.), которые связаны в истории языка с развитием аканья.

Во множественном числе им. п. параллельно существуют полные формы прилагательных с безударными флексиями -ые /-ьи/, -ья, -ай (*сѳрыи, бѳлыи, хрѳмовья, кѳжаныя, недлиннаи, тѳплаи*).

В 3 лице ед. и мн. числа наст./буд. времени глаголов флексия либо оканчивается смягченным согласным (*закипѳть, будутъ, сплятутъ* и т.п.), либо конечный согласный отсутствует (*знѳ, сидѳ, уатѳвя, напрядѳ*). В некоторых случаях происходит изменение гласного, оказывающегося в позиции конца слова (она *вытк'а*).

В ряде лексем на месте общепринятого неполногласия возникает полногласие (серѳдний “средний”, *понаравѳлась* “понравѳлась” и подоб.).

К регулярным фонетическим явлениям в исследуемом говоре относится наличие фрикативного согласного /γ/, который в слабых позициях оглушается в /х/: *дороуѳй, уатѳвили, пярѳх* “пирог” и др.

В диалекте наблюдается ассимилятивное прогрессивное смягчение /к/ после мягких согласных (*Дѳнькя* “Дуся”, *Мѳнькя, хозяйкя*).

Практически отсутствует в говоре звук /ф/. Он заменяется либо согласным /х/, либо сочетанием /хв/ (*Хрол* “Фрол”, *сарахѳаны, кухѳйка, хвѳрка* “калитка”).

В исследуемом говоре отмечается последовательное употребление билабиального /ʎ/ в соответствии с /в/ перед согласным и в конце слова. Переходы /в/ в /ʎ/ — неслоговое внутри фонетического слова позиционно не ограничены (*ў-цёрува, ў-дóме, ў-сухой день* “в постный день”, *деўка, траўка, короў, дво-роў* и др.).

Сочетание /чн/ заменяется в речи носителей диалекта звуковым сочетанием /шн/: *бўднiшная рубаха, вярёвошныя лiп-ти*.

В ряде словоформ фиксируются результаты фонетических процессов, не представляющих регулярных явлений в говоре. Среди них — развитие протетических звуков (*вўтром* “утром”), отпадение начальных гласных и согласных (*дэй-то, ўорóд* “огород”), диэрезы (*счас* “сейчас”, *на-плéчках*), ассимилятивные и диссимилятивные процессы (*верстáт* “верстак”, *т'веты* “цветы”, *плáт'т'е*), метатезы (*бухормá*, “бахрома”, *фёршел* “фельдшер”) и др.

Таким образом, существование диалекта в условиях фактического двуязычия, с одной стороны, и достаточная архаичность самого говора определяют его специфику, в том числе в области фонетики.

Л.В. Возисова, И.В. Ганеева
(Архангельск)

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ, СВЯЗАННОЙ С ТЕРМИНАМИ РОДСТВА.

Актуальной задачей русской диалектологии является составление Лексического атласа русских народных говоров, который будет иметь серьезное научное и культурно-историческое значение.

Лексика в определенной своей части — наиболее чувствительное звено языка к тем изменениям, которые происходят в жизни общества.

Цель работы и заключается в том, чтобы показать особенности лексических значений слов в диалектах, а также обосновать принципы составления вопросника для лингвогеографического исследования лексики. Работа по сбору материала к теме «Семья. Родственные отношения» велась студентами факультета в течение последних лет.

При составлении вопросника отдается предпочтение лексике с конкретным значением перед лексикой абстрактной. В воп-

росник не входят слова с экспрессивно-эмоциональной окрашенностью, собирательные существительные в именительном падеже множественного числа.

В вопросник включаются слова с ограниченной территорией распространения названий предметов или такие названия предметов, которые территориально противопоставлены другим названиям тех же предметов.

При составлении вопросника имеется в виду, что лингвогеографический анализ состояния говоров должен стать основой для воссоздания их истории, поэтому включаются слова, отмеченные в других памятниках письменности, словарях древнерусского языка.

Отбор слов определяется одним из основных принципов: вопросник должен быть компактным и удобным для проверки в полевых условиях, на диалектологической практике студентами.

Ю.П. Чумакова
(Уфа)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН "ЧЕЧОРА"

Воронеж, "чечора" 'старое русло реки, ставшее болотистым оврагом; непроходимое болото' (Дьякова) и "чичер" 'трясинное место' (Словарь русских донских говоров) — варианты единого диалектного географического термина, прослеживаемого в бас. Дона. Его границы существенно расширяются с привлечением топонимического материала. Гидронимы Чечера, Чечора, Чичера, Чичора, Чичер представлены в бас. Сожа, Десны и Оки; отдельные примеры — на северо-востоке. Таким образом, основной ареал этой апеллятивной и гидронимической основы включает Верхнее Поднепровье, Поочье и Подонье.

Для исторической лингвогеографии важен также учет генетических связей слова, помогающий вскрыть его утраченную многозначность как самостоятельный объект картографирования.

Происхождение данной основы спорно. Высказано предположение о балтийской принадлежности верхнеднепровских гидронимов этой группы (Топоров — Трубачев). К балтизмам с исходной мотивацией 'гороховая река' отнесены и подмосковные Чечора, Чечера (Топоров). В качестве исконного образования Чечора сопоставлялась с "кокора" 'пень на дне реки, кривое дерево...' (Фасмер; Славский). Г.П. Смолицкая, справедли-

во указав на зависимость таких гидронимов от апеллятива “чечора”, объяснила его через сближение с “чичер” ‘ветер с дождем или снегом’ (по Трубачеву, из и.-е. *keiker “слепой”): ‘неполноценное, бывшее, старое русло реки’.

В сообщении предлагается иной подход к истолкованию базового апеллятива, ориентируемый на и.-е. *(s)ker-: слав. *seřiti* ‘резать, царапать’. Со стороны формы “чечера” — результат редупликации корня или соединения с экспрессивной приставкой, со стороны содержания — результат развития значений: ‘растрепанный, торчащий’ — ‘растрепанные волосы; куст’ — ‘заросшее кустарником, заболоченное русло’. Ср. диал. “чичер” ‘вихор на голове’. Примечательна соединенность значений ‘волосы’ и ‘трясинное место’ в донск. “чичер”, “чичеры”. Семантический комплекс ‘куст, кустарник; болотистое место; растрепанные волосы’ обнаруживается в том же этимологическом гнезде у слова “корь”, например, в рязанских говорах, а также у родственных образований в балтийских языках. Именно в этом контексте высвечивается связь “чечера” — “кокора”.

Л.Ю. Евтихиева, С.В. Пискунова, Т.В. Евдокимова
(Тамбов)

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ТАМБОВСКИХ ГОВОРАХ

Как известно, этнографическая терминология включает тематические группы, отражающие материальную, духовную культуру и быт региона. Нередко одна и та же словесная форма обозначает различные предметы, интегрируя общие семантические признаки. Подобная общность демонстрирует характерные черты народного менталитета. Полезным средством изучения культурного контекста может стать историко-этнографический комментарий.

Лексика жилища. Термин “изба” обозначает: 1. Весь дом целиком; 2. Комната, в которой стоит печь. Изба — теплое, отапливаемое помещение. Согласно народной этимологии термин “изба” образован на основе глагола “топить”, в «Повести временных лет» употребляется форма “истобка”. В избе древнерусского периода имелось *окно*, волоковое (закрываемое доской), или застекленное, слюдяное. *Окно* — это еще и глубокое место с чистой водой в озере, в болоте. Стекло в форточке называют “глазок”; глазок — родник в поле. “Окно” образовано от общеславянского “око”, что позволяет выделить продуктивную в диалектной речи словообразовательную модель “орган человеческого тела — часть (деталь) жилища — топонимиче-

ский термин": 1) макушка, чело (человека) — *причелина* (доска, прикрывающая торцы слег крестьянского жилища) — макушка (дерева, холма); 2) щека (человека) — щека (боковая часть печи, загнетка) — щека (крутой берег реки); 3) уста (человека) — устье (печи) — устье (реки) и пр. Модель может реализовываться фрагментарно: *гряда* (площадь, поверхность клинообразной формы; песчаная гряда, гряда сорняков); *гряда* (полка из досок в избе). Использование трехчастной словообразовательной модели отражает мифопоэтический, пантеисторический этап формирования мировоззрения человека.

Лексика одежды. Не менее продуктивна модель, согласно которой этнографизм становится словообразовательной базой терминов, характеризующих человека. *Панева* (традиционная женская набедренная одежда) — *паневница* (отсталая в культурном отношении, неграмотная женщина); *лапоть* (вид плетеной обуви) — *лапотник*, *лапотница* (некультурный, бедный человек); *шушпан*, *шушун* (суконное полупальто, преимущественно женское) — *шушунница* (то же, что "паневница") и пр. В белом шерстяном *шушуне* с красной бейкой появляется мифологический персонаж — Среда, покровительница женских ремесел. *Шушпанники* — вершники, дружки жениха, едущие за невестой в качестве сопровождающих свадебный поезд. Поскольку шушун является женской одеждой, факт ношения его мужчинами может иметь характер обрядовой травести.

Зипун, *жупан* — преимущественно мужская зимняя верхняя одежда. С этим видом одежды связаны драматические страницы истории Тамбовского края. Выкрик "*Зипунники!*" — грозное предупреждение о набегах ногайцев, не дававших покоя Великой Степи в XIV—XVI веке. Можно предположить, что тамбовский термин "куяк" (шлем) тоже отражает историю освоения степи. В древнерусском языке "куяк" означало металлические пластинчатые латы.

Судьба этнографизмов сложна. Многие термины, известные по письменным данным и относящиеся к изучаемому региону, ныне исчезли. Так, Н.Ф. Сумцов отмечал на территории Тамбовского края "*саян*" (вид сарафана). Известно, что в болгарском свадебном обряде черный саван является ритуальной одеждой. По имеющимся у нас экспедиционным данным в живой речи, ни в пассивном, ни в активном словаре этого термина нет, хотя синий (темный) сарафан в качестве свадебной одежды встречается. Не сохранила народная память и термин "*ичетыги*" (ритуальная похоронная обувь), однако широко распространено слово "*кочетык*" (инструмент для плетения обуви).

Значение этнографизма демонстрирует тесную связь с диалектным дискурсом и отражает общие семантические признаки

членов тематической группы. ТГ “свадебное покрывало”: *вала, грибок, дымка, наволока, покрывка, полотенце, уваль, фата на грибах, хлустка, ширинка* и др. Термин “уваль”, “увал” понимают как искаженное “вуаль”, хотя естественнее предположить в этом термине связь с древнерусским “вала” (полотно, покрывало). Эту версию подтверждает и обряд “уваливания невесты”, т.е. надевания покрывала. Термин “грибок” обнаруживает связь с диалектизмом “*грибатка*” (складка, защип).

Терминология головных уборов дает хороший материал для историко-этнографического комментария. ТГ “платки и шали”: *жандаровая, кашемировая, турецкая шаль; Гарусный, жаркий, набивной, прохоровский платок; малинок* (свадебный платок).

Выявление мотива наименования представленной терминологии невозможно без знания истории “вещи”. *Кашемировая шаль* — шерстяная, богато украшенная вытканная узором; выполненная в технике коврового ткачества. Известно, что Кашмир, район Индии, славился именно ковровыми изделиями. Широкое распространение *кашмирские* шали получили после походов Наполеона I в Египет, положивших начало моде на восточную экзотику. Шали из Кашмира так и остались экзотикой для России, зато их популярность стала причиной устройства камвольных мануфактур в Москве, в Рязани и других городах. Термин “кашэмировая” шаль был хорошо известен, хотя сама вещь была недоступна ни крестьянину, ни купечеству. Такая шаль была символом богатства и достатка, что и объясняет употребление термина в диалектной речи. В 30-х годах XIX века производство кашемировых шалей было упрощено за счет использования жаккардовских станков, вследствие чего шали вошли в купеческий и крестьянский быт. В тамбовских говорах этот вид шали обозначают терминами “*турецкая*” и “*жандаровая*” шаль. Последний термин неясен.

Номинации головных уборов хранят связь с именами производителей. Широко известные на территории Тамбовского края “*прохоровские*” набивные платки получили свое название по имени владельца Трехгорной мануфактуры Прохорова (80—е годы XIX века); *терновые* платки — по имени владельца мануфактуры Терно. В живой речи мотивационная связь утрачена, на основе народной этимологии термин “терновый” связывается с мотивом растительного орнамента, якобы имитирующего ветки терна, что, на наш взгляд, поддерживает жизнь наименования.

Другие ТГ этнографической лексики также богаты языковой, исторической информацией и позволяют судить как о материальной культуре, так и о духовной культуре края.

Демонология. Терминология этого раздела на первый взгляд общеизвестна. Например, в тамбовских говорах встречаются следующие наименования черта: бес, *блзник*, *игрец*, козел, лукавый, лукавый сват, нечистый, *теперт* и др. Почти все перечисленные наименования соответствуют литературному языку, но на фоне культурного контекста они приобретают яркость, поэтичность. Свадебный обряд богат легендами о кознях и напастях, чинимых нечистой силою молодым и гостям. Не потому ли черт любит принимать облик *свата*. Согласно народному поверью, черт обретает власть над человеком, впавшим во грех, поэтому черт обычно дурачит пьяных.

Игрец — так называют не только черта, но и домового, и лукавого, не в меру изворотливого человека. Игра — это и песня с пляской, она осуждается христианством как “бесовская игра”, что демонстрирует связь термина с миром сакральных представлений. Смысл игры — сотворение второй реальности, выход в иной мир. С этой точки зрения активные изыски воображения — грех. “*Поблзнилось*” (показалось) — говорят крестьяне, крестьясь, если приняли за реальность зрительную или слуховую фантазию. Мотив “соблазна”, “искуса” впитывает термин “блзник” (черт) в контекст представлений об игре.

Историко-этнографический комментарий позволяет не только разобраться в мотивации значения ряда этнографизмов и диалектизмов, но и осознать поэзию словообразовательных моделей народной речи.

Е.С. Лебедева
(Тамбов)

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППА «ПИЩА, ЕЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ» В ТАМБОВСКИХ ГОВОРАХ

Питание русского крестьянина всегда находилось в самой тесной связи с образом жизни. Производство продуктов было сосредоточено в рамках каждой семьи. Если обработка земли, сев, уборка урожая считались в основном мужскими делами, то уход за домашними животными, работа на огороде, приготовление пищи выпадали на долю женщин. Во время полевых работ ежедневно назначалась *денищница* (Мордовский район), *домосёдка* (Тамбовский район), в обязанности которой входило приготовление пищи, подача ее на стол, мытье посуды, уборка избы.

Изготовление хлеба в крестьянской семье — постоянно возобновляющийся процесс. Заведенное и подошедшее тесто расхо-

довалось не полностью, а так, чтобы, сделав некоторые добавки в посуду с *тестёчком* (остатки теста) — *дэжку*, *кадушку*, можно было продолжить выпечку.

Хлеб являлся каждодневной принадлежностью крестьянского стола, другие же мучные изделия готовились только по праздникам. Особенно любимы в народе *блины* (*блинцы*), которые наряду с прочими блюдами остаются традиционной свадебной и поминальной едой. Пекут *кислые* (тесто готовят путем квашения), *прёсные* (без закваски), *пшённые блины* (на основе кулеша). *Кулеш* — жидкая каша из пшена — служит также для приготовления пирогов. Жители Тамбовщины по-разному именуют эти изделия: *чинёнок*, *ряжник* — пирог с какой-либо начинкой, *карто́вник*, *пуховик*, *чёрник*, *черепи́чник* — картофельный пирог, *свеко́льник* — пирог со свеклой. В литературном языке слово «свекольник» имеет два значения: свекольная ботва и суп из свеклы.

Отмечаются и другие случаи расхождения в значении лексической единицы в общенародном употреблении и говорах. Так, в Сампурском районе *киселём* называют запеченный с яйцом тертый картофель. В Жердевском районе это же блюдо именуется *тёрник*. Под влиянием отходников, работавших на донецких шахтах, щи (похлебку из рубленой капусты) на Тамбовщине начинают называть *борщом* — по аналогии с традиционным украинским супом из свеклы с капустой, хотя техника приготовления остается прежней, без добавления свеклы.

Изучение лексики по теме «Пища, ее приготовление» требует пристального внимания к географическим, экономическим, историческим условиям жизни носителей диалекта, их внешним контактам, а также особенностям идеологии и психологии изучаемой социальной группы.

Т.Х.Каде, А.Л.Факторович
(Краснодар)

ПРОИЗВОДНОСТЬ — МОТИВИРОВАННОСТЬ —
ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМНОСТЬ: ВИДЫ
СООТНОШЕНИЙ
(на материале русских говоров Кубани).

В изучении многоаспектности языка сталкиваются разнообразные тенденции. С одной стороны, своеобразие уровней, подсистем побуждает уточнять их различия, обосновывать специфику организации. С другой же — поиск единства языкового

универсума обращивается системой разноаспектных корреляций. Диалектный материал с его эмпирической свежестью становится концептуально важным для их изучения, проясняет новую проблематику.

Точкой отсчета для разноаспектных корреляций служат, в частности, словообразовательно-этимологические характеристики — см. “типологию отношений между производностью и мотивированностью”. Она выступает как основа более сложных корреляций — учитывающих и лексическую системность.

Привлекая классификацию лексических категорий, можно выделить два основных соотношения между коррелирующими аспектами единиц, а также комбинированные случаи. При первом соотношении аспекты проявляются в одноплановых параметрах: так, одна единица определяется как “исходная” и в словообразовательном, и в этимологическом, и в синхронно-лексическом плане, а другая — как “вторичная” во всех трех планах. (В лексике “исходным” является, например, синоним-доминанта, или лексически производное значение многозначного слова, или гипероним). См.: *горба* “карась” — *горбыль* “взрослый карась”. Первое слово — производящее, мотивирующее, гипероним; второе — производное, мотивированное, гипоним.

При другом соотношении параметры проявляются разнопланово: единица в одном аспекте характеризуется как “исходная”, а в другом (других) — как “вторичная”. Например, она является этимологически производящей, но в синхронно-словообразовательном плане — вторичной, мотивированной. См. примеры И.С.Улуканова: *лягушка* — *лягуша*; в диалектах разноплановость связана с гипонимическим оттенком значения у последнего слова.

В целом внутренняя организация соотношений оказывается существенной для усложнения и детализации ряда диалектных лексических подсистем.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО**

**Х ВСЕРОССИЙСКОЕ
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ
«ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ
НАРОДНЫХ ГОВОРОВ - 94»**

(Санкт-Петербург, 1—2 февраля 1994 г.)

Тезисы Докладов

Подписано к печати 10.06.1994 г. Формат 60 x 90 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Печ. л. 6,0. Тираж 500 экз. Зак. тип. № 337.

ИЛИ РАН. 199053. Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9.
Научно-издательский центр «НЕГА». 199164. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 9. ЛР № 070262 от 11.12.1991 г.

Типография АО ВНИИГ им. Б.Е.Веденева.
195220, Санкт-Петербург, Гжатская ул., 21.

